

Павел Шушканов

*Механическое
солнце*

В этом мире больше нет
ни Земли ни космических
полетов

Мир крыльев и волн

Павел Шушканов

Механическое солнце

«Автор»

2025

Шушканов П.

Механическое солнце / П. Шушканов — «Автор», 2025 — (Мир крыльев и волн)

В механическом и паровом будущем больше нет космических полетов, лишь голоса далеких миров и стран в радиоэфире и полумесяцы Ганимеда и Ио, восходящие над волнами теплых океанов. Спокойствие и размеренность жизни старой столицы Архипелага обрываются в тот день, когда в небе среди медлительных дирижаблей появляется аэроплан, а в городской порт заходит воздушный корабль с двенадцатью мертвыми пассажирами на борту. Офицер охранной службы и гражданин города ученых, промышляющий околонучными расследованиями и теориями заговоров, берется за расследования дела о «мертвом дирижабле», которое постепенно погружает их в глубины темной изнанки их безмятежного мира.

Содержание

1.Мертвый дирижабль	5
2.Механическая церковь Ангстрема	22
3.Город Жерло	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Павел Шушканов

Механическое солнце

1. Мертвый дирижабль

Констебль Александр Лиман никогда не видел самолет. Одно дело величественные дирижабли, проплывающие над черепичными крышами столицы Архипелага. Они внушали уважение и страх одним своим видом. Особенно боевые летающие крепости, изредка заходящие в ремонтные доки. Но аэроплан вызывал только удивление своим видом и неуместным шумом. Под низкими дождевыми тучами он казался маленьким черным крестиком, который рокоча двигателями спешил на единственную крохотную посадочную полосу столичного острова.

Да, никогда прежде самолеты констебль не видел и заранее их не любил. В Охранной службе бытовало мнение, что аэроплан может принести только дурные вести. Обычно любую корреспонденцию доставляли в столицу рейсовыми воздушными кораблями, но, когда требовалось отправить что-то действительно важное, что при этом не стоило сообщать в радиоэфире, пользовались услугами авиации. Срочные и, тем более, секретные письма хорошими не бывали никогда.

Лиман застегнул верхнюю пуговицу на воротнике, потянулся было к выставленному на стойке глиняному блюду, чтобы бросить несколько монет и вдруг заметил пятно на рукаве. Молочно-белое, мокрое и еще теплое, оно напоминало очертаниями то ли медузу, то ли лицо окружного легария – в обоих случаях неприятно. То, что простой водой тут не обойтись и придется раскошелиться на химчистку – неприятно вдвойне.

– Что-нибудь еще желаете?

Хозяин кофейни обслуживал сам и был крайне приветлив. Он радовался удачному месту для его скромного заведения, щедрым заказам и почти полному отсутствию конкурентов. Ближайшая ресторанация находилась почти в квартале от центра и ничего кроме травяных супов не предлагала.

– Еще один кофе. В этом я, кажется, искупал китель? – сказал Лиман.

– Если только не в чашке, как прошлый раз. Вы мне ее все еще не вернули.

– Я ее разбил, еще не дойдя до офиса. Случайно, конечно.

– Печально. Значит с вас полталера за картонный стаканчик. Знаете такие новомодные, – он повертел пальцами, словно держал стакан в них, – завозят из Конкордии. Если мыть аккуратно – можно использовать еще трижды.

Лиман вздохнул и полез в карман за кошельком.

– И за разбитую чашку еще полтора, будьте добры. Расходы как-никак.

«Засранец», – подумал про себя Лиман, а вслух сказал: – Засранец! И разоритель. Ни уважения, ни почета к хранителю порядка.

– О, тут вы неправы, – улыбнулся хозяин. – Кофе я налью вам совершенно бесплатно.

За окном блестела еще мокрая после яростного ливня брусчатка. В лужах отражались яркие надписи мелких лавок через улицу. Неспешно вращались стрелки на массивных напольных часах и карманных хронометрах в витрине часовщика. Поблескивали медные и смоляные пластинки в музыкальном магазине, а книжная лавка завлекала разворотами новых альманахов с цветными иллюстрациями. Соседнее ателье укоризненно выглядывало из-под огромной вывески с пуговицей. Уже полгода как Лиман обещался заглянуть туда за новыми нашивками, но все откладывал. На старых уже с трудом читались его имя и класс. Имя Александр давно

превратилось в плохо читаемое Лекс, а на эмблеме в виде руки с открытой ладонью, означающей должность окружного констебля, остались только два пальца.

Из раздумий Лимана вывел хозяин кафе. Помимо стакана с горячим кофе он держал в руках телефонную трубку, провод от которой тянулся в недра маленькой кухни.

– Это вас!

Лиман поморщился и потянулся к трубке.

– Арина, отстань. Я обедаю.

У Арины был низкий хриплый голос, и разговаривая с ней исключительно по телефону, можно было представить себе величественную даму из самого пыльного отдела городского архива, общаться с которой желательно исключительно посредством пневмопочты. Но Арине едва ли еще пока исполнилось двадцать, зато три из них она уже проработала секретарем Лимана.

– Вас ищет легарий, – сообщила она вместо извинений. – Ему звонил префект. Через час они ожидают вас в порту, в четвертом доке. Точно в четвертом, потому что он повторил дважды.

Лиман поднялся, вернул хозяину трубку и с опаской посмотрел на картонный стакан.

– Если я обожгу себе пальцы, следующий обед за счет заведения.

Кофе оказался ожидаемо едва теплым.

Ливень хлестал город почти час, и улицы быстро превратились в реки, которые бурля и пенясь понесли в сторону океана. Сейчас только огромные лужи блестели в низинах лоя крупные капли, падающие с железных фонарей. Но грозовые тучи, бесшумно клокоча, вновь собирались на горизонте.

Лиман остановился на углу серого кирпичного дома, в котором помимо кафе ютились замшелая гостиница и кожевенная мастерская. Из приоткрытых дверей мастерской тянуло скипидаром и краской. Он снял с со стакана тонкую картонную крышку, встал поудобнее, опираясь на трость. В голове все еще звучал хриплый голос Арины.

«Еще звонили по делу Торопа. Легарий не подписал ордер на обыск, а без него мы ничего не сможем сделать. Включите свое природное обаяние и попросите у его помощницы печать в конце концов. Но сначала порт – это важнее».

«Вместо меня не сходишь?» – осторожно предложил Лиман.

«Заманчиво, но нет. Не хочу. Что передать легарию, если будет снова звонить?»

«Арина, просто напомни ему, что порт уже два года как не входит в мой округ»

Передача воздушного порта округу констебля Новака была неприятным событием, тем не менее освободившем его от целой кипы мелких дел, связанных в основном с торговыми нарушениями. Добрая половина документации порта проходила через офис Лимана, причем зачастую требовалась просто его подпись и печать, но стол был, как правило, просто похоронен под папками и всевозможными конвертами с кучей марок. После передачи порта, Лиман с удивлением обнаружил, что у него есть пресс-папье, а также нашел агатовую ручку с бронзовым пером – подарок на день окончания академии. И все-таки по какой-то неведомой причине надзор за воздушным портом оставался престижным и был предметом личной гордости Новака.

«Так вы будете?»

«Можно подумать, у меня есть выбор»

«Тогда закажите машину и езжайте в порт. Вас ждут. Машину, а не как обычно»

– А не как обычно..., – повторил Лиман и усмехнулся.

Колеса пролетевшего мимо автомобиля выбили из глубокой лужи целый грязный фонтан.

– Вот черт! – Лиман брезгливо взглянул на быстро впитывающиеся в китель и брюки пятна. На стаканчике дрожали крупные грязные капли. – Черт!

Стакан полетел в урну. Предвкушение первого глотка застряло в горле. Констебль отметил про себя, что начинался день куда лучше – с банальной изжоги и кучи свежих папок, заботливо разложенных на столе Ариной.

Когда-то вагоны подвесной дороги отправлялись точно по расписанию. Одна из станций возвышалась над кварталом невысокой пирамидой с усеченной вершиной. От нее уходил к далеким холмам одинокий блестящий рельс.

Ветер разорвал тучи, обнажив глубокое темно-синее небо. Остановившись у широкой лестницы, ведущей на посадочную площадку, Лиман посмотрел вверх. Отыскал два бледных полумесяца в разрыве облаков: Ганимед и Ио. Один совсем тонкий и едва заметный ютился у края Планеты. Обычно такие виды безмятежного неба успокаивали, приводили в порядок мысли в голове. Но все портил темный крестик аэроплана, поспешно покидающий остров. Свя-зать в голове этот идиотский механизм в небе и внезапный и странный вызов в порт несложно, труднее приплести сюда обдавший грязной жижей из лужи паровой автомобиль. Не зря говорят, что аэропланы приносят только беды.

До воздушного порта минут сорок неспешного пути вдоль ржавого рельса, включая переход по длинному коридору, соединяющему терминалы с давно заброшенной станцией. За это время можно было вполне подготовиться к встрече с легарием и констеблем Новаком, которому разве что на лбу не хватало выписки о том, что порт теперь под его юрисдикцией. Против префекта Лиман ничего не имел, но предпочел бы видеться и с ним пореже.

Внизу под рельсовой дорогой лежали кварталы столицы, в основном черепично-красные, разрезанные узкими улочками и широкими дорогами, проходящими от морского порта на восток и юго-восток. Зеленый треугольник городского парка вклинивался между портом и деловым кварталом. За ним виднелись паруса торговых кораблей, а еще дальше трубы гидролизных фабрик, производящих водород для дирижаблей, и аммиачных мануфактур. Других производств тут не было. Хотя и эти городской совет уже давно считал опасными и пытался вытеснить на соседние острова. Скорее всего так и случилось бы, если бы не щедрые налоги и протекция клана Морша, владевшего фабриками уже без малого двести лет. Между полуго-лым парком и рабочими кварталами под холмами вдоль всего побережья тянулся его, Лимана, округ, включающий помимо трех улиц и двух поселений, маяк и городскую библиотеку. Тут он присягнул пятнадцать лет назад надзирать за порядком и соблюдением законов. И, в общем то, выполнять все эти обязанности было несложно, учитывая, что районы округа славилась относительной тишиной. Констебль Новак был вынужден держать в офисе трех помощников с лицензиями на оружие, в то время как Лиман вполне справлялся имея в штате только часто болеющую Арину. Достанься ему порт, как у прежнего констебля этого округа, с его рынками и трущобами, карманниками и жуликами всех мастей или мануфактура с рабочими трущобами, где ветхие домишки чередовались с барами, место Арины занимали бы два вооруженных до зубов амбала.

Одиннадцать констеблей города составляли Охранную службу, которая, впрочем, никакого руководства над собой не имела, кроме окружных легариев, выдающих ордера и подписывающих разрешения на аресты и обыски. При слаженных действиях и условии, что с легарием повезет, работа становилась легкой и безоблачной. Констеблю Лиману не слишком повезло. Его легарий был человеком своеобразным и не питающим теплых чувств ни к констеблю лично, ни к своей работе в целом, ни к столице.

Город остался в стороне, а под ржавым рельсом и бетонной опорой раскинулись лесистые склоны холмов. Лиман шел по тонкому железному скелету моста, тянувшегося вдоль монорельса, кутаясь в китель под порывами сырого морского ветра. Его трость постукивала по

настилу, в котором тут и там зияли дыры вместо прогнивших досок. Неспешный путь, который вряд ли можно сократить имея даже обе здоровые ноги. Тонкий рельс и узкий мост – шириной не больше полукварта, каждый шаг выверен и точен. Никто не рискнул бы соваться сюда на высоту, особенно в ветреную погоду, кроме ремонтников и констебля Лимана.

На холмах возвышались огромные стыковочные мачты. Тени от пришвартованных дирижаблей падали на строения порта и грузового терминала. Ровные и неподвижные они зависли в небе, касаясь острыми носами стальных мачт. По тросам неторопливо спускались цепочки контейнеров. Только один дирижабль держался слегка в стороне. К гондоле с затемненными окнами были перекинута воздушные мостики, а в транспортировочные крючья под носом и гондолой были продеты крепкие толстые канаты. Так дозволялось делать только при аресте судна.

– Лекс! – префект зашагал к нему от небольшой группы людей, собравшихся у входа на перекидной мостик. На его лысой голове и медных пуговицах блестело солнце. В отличие от своих предшественников, перфект столицы Огюст Морша никогда не носил дорогих кителей, довольствуясь неплохим, впрочем, костюмом, на который перешивал медные пуговицы с литерами клана. – Никакой пунктуальности, но верность традициям – заставляете нас ждать.

Он скользнул взглядом по кителю Лимана, на котором еще не высохли бурые пятна, поморщился.

– Виноват. В такое время машину не заказать.

– Машину... Вы видели твой силуэт на рельсе четверть часа назад. Твой протест забавен, но не всегда уместен, – он постучал пальцем по часам на руке.

– В следующий раз помчусь как белка, – сказал Лиман.

Перфект взглянул на его трость и промолчал.

– Ладно, это легарий Ольбер настоял на твоём приходе. Понимаю, у вас там что-то личное, но слово легария – это слово легария.

– Что-нибудь серьезное? – Лиман кивнул в сторону дирижабля, закрывавшего половину неба. Сковывающие его тросы натянулись под порывами ветра.

– Скорее непонятное. А непонятное, знаешь ли, хуже всего.

Они подошли к людям у мостика. Легарий Ольбер не ответил на приветствие, только удовлетворенно хмыкнул, указав на часы. Огромные зеркальные очки скрывали большую часть его сухого лица. Он держал тонкогубый рот плотно закрытым, но в воздухе все равно держался тонкий винный запах. Констебль Новак едва заметно поклонился и улыбнувшись постучал пальцем по своей новенькой нашивке. Возможно, он менял их ежедневно и даже имел запасной комплект в офисе. Лиман поклонился в ответ. Невысокий незнакомый парень в сером мешковатом костюме протянул руку.

– Знакомься, Лекс. Наш гость – Хета.

– Хета Первый Рой, – добавил незнакомец и улыбнулся. – Прибыл на аэроплане около часа назад. Думаю, вы видели. Не могли не видеть.

– Не заметил, – Лиман пожал тонкую руку. Как и все жители города Жерло, Рой выглядел не слишком спортивно и показывал беспокойство нахождением вдали от привычных архивов и библиотечных залов. А вот на островном ланге они говорили практически без акцента, только непривычно долго думали над каждым словом.

Рой растерянно взглянул на префекта, но тот только пожал плечами.

– Александр Лиман, – представил он. – Констебль округа, который под нами и к западу отсюда. Лучший констебль города, как вы и просили, – издевки в голосе не заметить было невозможно. – Новак, пожалуйста, без обид.

Новак развел руками.

– Подпишусь под каждым словом. Каждому из нас еще предстоит поучиться у констебля, особенно безупречному стилю.

Лиман промолчал.

– Приступим, если вы не против, – отозвался легарий, надевая перчатки. – Я не против любезностей, но мы тут сегодня не за этим.

– Да, – спохватился префект, – пойдёмте.

Он достал ключ и принялся открывать замки на цепях, перегораживающих проход на навесной мост.

Лиман взглянул вдаль под брюхо воздушного корабля. Над океаном бушевала гроза.

– Рейсовый дирижабль «Сома» запросил стыковку одиннадцать часов назад, но по данным диспетчера корабль должен был в это время находиться над проливом между Близнецами, что почти в пяти сотнях кватрумов отсюда. На запросы о причине смены курса корабль не отвечал, но продолжал просить стыковку. Диспетчер решил, что на борту чрезвычайная ситуация и разрешил направить судно к запасной мачте. Но воздушное судно, вопреки распоряжению диспетчера, бросило трос к центральному стыковочному узлу.

Лиман смотрел на покачивающийся светло-коричневый корпус, к которому вел мост.

– Спустя полчаса после стыковки, – продолжал префект, – ремонтная бригада поднялась на борт, поскольку по трапам никто не сходил.

– Полагаю, что корабль был пуст, – предположил Лиман. Истории о дирижаблях-призраках иногда появлялись в дневных газетах, впрочем, о них быстро забывали. Лиман изредка предлагал штрафовать писак и макать их носом в чернила, но Арина только фыркала и принималась читать абсурдные заголовки вслух.

– Если бы. Одиннадцать пассажиров, два пилота и стюард были мертвы. Причем без следов насильственной смерти. Пассажиры продолжали сидеть в своих креслах, у одного даже осталась газета в руках. Но никто не подавал признаков жизни. Впрочем, сейчас сами все увидите.

– Они еще там?

– Разумеется они там!

Новак оттеснил остальных от ограждения и прошел на мост первым.

– Я распорядился ничего не трогать. Ситуация не совсем обычная, как вы понимаете. К тому же, ни я ни мой легарий не хотим нести ответственность за нарушение карантина.

– Вас всегда украшала честность, – усмехнулся Лиман.

Новак в ответ постучал пальцем по нашивке.

Мостик покачивался на ветру. Над ним нависла громада дирижабля. Высоко наверху поскрипывали тросы, удерживающие воздушный корабль. Лиман пошел за остальными. Двери гондолы были совсем рядом, когда за несколько шагов до них его остановил Новак.

– Знаешь, я даже рад, что все это разгребать не мне. Все-таки четырнадцать мертвецов. У меня за год столько не наберется. Так что в любом случае – без обид.

– Я думал, что воздушный порт теперь окончательно твой, – напомнил Лиман.

– Не все так просто, – он подошел к самому краю и перегнулся через ограду. – Вот там внизу, видишь? Ну, подойди. Вот там моя территория. А тут, как не печально звучит, я на твоей. Не понимаешь почему, верно? Я тоже не сразу смекнул. Но ключ к ответу плетется сейчас по мостику перед тобой взмокший от страха и боится смотреть по сторонам.

Лиман мельком взглянул на Роя, достал из кармана перчатки и натянул их на замерзшие пальцы. Теплее не стало, но рукоять трости перестала скользить в руке.

– Что бы там ни было, в свой отпуск я уйду точно в срок, – заметил он. – Такое свинство чересчур даже для тебя, Новак.

– Разумеется, ты справишься, – усмехнулся Новак. – Лучший констебль города, как я слышал.

Порыв ветра качнул мостик под ними. Лиман вцепился пальцами в трос. На мгновение ему показалось, что громада дирижабля накренилась и падает прямо на мост. Фигурки рабочих далеко внизу были едва заметны. Из ремонтных доков поднимались клубы пара.

– Прошу, – Новак открыл ключом входные двери гондолы. – Напоминаю, что нужно соблюдать осторожность и не снимать перчатки.

За долгие годы службы Лиман ни разу не видел столько мертвых людей. Даже в тот год, когда пожар в доках и взрыв паровых котлов превратил эту часть порта в руины. Тогда обожженные и обваренные горячим паром рабочие корчились на настилах терминала – те, кому посчастливилось не оказаться под завалами. Но удалось спасти многих, кроме шести человек из бригады, обслуживающей котлы. Сейчас же на паркетных досках пассажирской гондолы под янтарным светом, льющим из окон, застыли целых семь скрюченных тел. Они стояли на смотровой площадке и, видимо, любовались океаном, когда внезапно их настигла смерть. Никаких следов борьбы или попытки скрыться от неведомой угрозы. Еще пятеро сидели в креслах. У прохода, уронив голову на грудь, застыл старик. Его шляпа откатилась на два шага по коридору. Лиман задумчиво поднял ее и положил старику на колени. К лацкану плотного клетчатого пиджака была прицеплена визитка – доктор Ош. На соседнем кресле, прислонившись лицом к холодному стеклу, застыла девушка. Ее глаза были открыты, лицо спокойно, словно она продолжала вглядываться в морской горизонт. Лиман потянулся, чтобы коснуться пальцами ее плеча. Казалось, что от прикосновения она тут же очнется, улыбнется рассеяно и спросит, что происходит.

Лиман поморщился, опустившись на одно колено. Пристроил трость рядом. Спокойное лицо девушки было совсем рядом. Шелковистые пряди темных волос прикрывали одну ее щеку. Лиман всматривался в ее профиль. Линия округлого лба плавно переходила в слегка вздернутый нос, минуя тонкие брови. Губы были слегка приоткрыты, на них блестела едва заметная помада. Прозрачные глаза смотрели в окно, за которым снова начинался дождь.

– Разрешите? – Рой протиснулся между констеблем и креслом, рукой в перчатке ощупал ворот жакета безымянной девушки, коснулся ее лица, от чего безвольная шея слегка повернулась. Теперь она не вглядывалась в море, а смотрела пустыми глазами на дощатый пол.

– Что вы делаете? – Лиман попытался убрать его руку.

– Помогите мне, – Рой протянул Лиману свой блокнот в толстом переплете и уже двумя руками потянулся к жакету. – Мне нужны посадочные талоны.

Он мял ее одежду, всовывал пальцы в плоские карманы. Голова девушки вздрагивала, ее лоб скользил по грязному стеклу.

– Перестаньте!

– Вот они, – Рой аккуратно выудил из внутреннего кармана жакета билет и всмотрелся в него сквозь очки. Лиман отпустил трость, поднялся, опираясь на подлокотник кресла. Рой с удивлением смотрел на него и поправлял очки.

– Что-то не так?

– Как ее звали? – спросил Лиман.

– Ира. Ира Ош.

Рой кивнул в сторону неподвижного старика.

– Вероятно дочь. Может быть жена. Нужно еще проверить. А вы что скажете обо всем этом?

Лиман устало вздохнул, бросил взгляд сквозь окно туда, где под клубящейся пеленой дождя где-то прятался среди улиц его офис.

– Скажу, что это точно не отравляющий газ. Гондола герметична и следы газа сохранились бы в ней до самой стыковки. Кроме того, никаких следов удушья. При удушье возникает паника. Никто не будет спокойно смотреть в окно и ждать смерти, даже если ты убежденный фаталист вроде того пассажира, – Лиман указал на молодого человека в дальнем кресле в жел-

том халате Солнечной церкви, перетянутом ярко-красным поясом. Его глаза были закрыты, а на плотно сжатых губах, казалось, застыла едва заметная улыбка.

– Думаю, он единственный кто был рад такому концу рейса, – заметил Рой. – Что еще?

– Исключаем разгерметизацию. Никаких следов обморожения нет, да и смерть от холода на такой высоте маловероятна. Меня больше интересует другое. Станным остается только одно – кто запрашивал разрешение на стыковку, если все мертвы?

Рой едва заметно улыбнулся.

– Вот как раз это загадкой и не является. Пойдемте со мной.

Лиман неохотно последовал к мостику.

Мостик отделялся от салона перегородкой с полупрозрачной дверью. Замок уже вскрыли. Оба пилота оставались в креслах. Один почти сполз вниз, и его рука касалась пола. Над приборной панелью застыло нечто странное, чего Лиман раньше не видел – обтекаемый прозрачный кожух, внутри которого щелкали мелкие шестеренки, замирали на мгновение, затем переключались едва заметные рычажки, и шестеренки продолжали свой ход. Чуть ниже над самым коммутатором крепились несколько миниатюрных валиков, которые используют для записи музыки и голосовых писем. Только эти были серебристые и намного меньше. Один неспешно вращался.

– Автопилот, – пояснил Рой. – Мануфактуры Близнецов начали оснащать ими свои корабли в прошлом году. По сути – усовершенствованный арифмометр с программируемыми модулями. Вести корабль по курсу и маневрировать, если нет шторма, он вполне способен. Даже скинуть стыковочные тросы к ближайшей мачте. А тут, я полагаю, голосовой аппарат, – он указал на валики под кожухом. – Надо же как-то делать запрос на стыковку. Если экипаж не отключает автопилот вблизи мачт, запрос отправляется автоматически.

Он вглядывался в жужжащие шестеренки. – Технологии Близнецов. Пока мы в Жерло собираем и бережем знания, считая инженерию недостойным занятием, кто-то творит будущее, – слегка обиженно проговорил Рой, словно отвечая на собственные мысли.

Лиман похлопал ладонью по кожуху.

– Эту штуку нужно демонтировать и оправить специалистам в город. Если тут есть подобие памяти, уже завтра отправитесь домой.

Лиман аккуратно прикрыл дверь мостика.

– Я сам вызвался, – тихо сказал Рой. – С этим кораблем нам придется разбираться вместе, поскольку таков порядок, но на любую мою помощь вы можете рассчитывать.

Лиман усмехнулся.

– По какой-то неведомой причине разгрести кучу мертвецов поручили мне, а не Новаку. Я, конечно, выясню почему, но это дело второе. Мне непонятно, зачем это вам – ученому человеку из Жерла.

– Вы принимаете это дело лишь по той причине, что в нем буду участвовать я, – пояснил Рой. – Иностранная канцелярия находится на вашей территории, а значит все дела, в которых замешаны иностранцы, также ваши.

– Превосходно, – вздохнул Лиман. Перед его глазами всплыло ухмыляющееся лицо Новака.

– Что касается меня, – Рой вздохнул, – все дело в книгах.

Легарий, Новак и префект совещались в стороне. Префект рассеянно махнул ему рукой. Новак не отрываясь смотрел на Лимана и задумчиво потирал подбородок.

– Книжки, констебль Лиман. Самые обычные книжки. Точнее, необычные.

Он нацепил тонкую перчатку и аккуратно извлек пухлый томик из рук профессора Оша.

– Откройте.

– Там скорее всего на конкордийском, – неуверенно сказал Лиман. Иностранных языков и наречий он не знал.

– И все же. Откройте книгу, констебль.

За толстым кожаным переплетом следовал пустой желтоватый лист. А за ним еще один. И еще. Вся книга оказалась абсолютно пустой.

– Не понимаю.

– Она пустая, Лиман. Как и все книги, которые я находил при подобных обстоятельствах. На конкордийском они зовутся «ливраморт», на диалекте Близначев – «бокдефо». А у нас в Жерло просто – Книги, которые убивают.

Рабочий день подходил к концу. На фабриках далеко внизу под холмами заняла сирена. Клубы пара вырвались из-под гнета предохранительных клапанов и поплыли белым низким облаком над городом. Не спеша потянулись к станциям и остановкам вереницы рабочих и служащих. Вышли на линию дополнительные вагоны рельсового метро. Только порт продолжал работу, а давно закрытая ветка извилистой линией протянулась по темнеющему небу от него к паутине еще действующих линий внизу в городе. По ней, заметно прихрамывая, брел Лиман ругаясь на ветер и срывающиеся с низкого неба мелкие капли дождя.

Еще полчаса назад ему пожал руку префект, а Новак отпустил несмешную шутку про нашивки.

«И не спешите с отчетом», – ехидно сказал легарий. – «До утра еще полно времени».

Только Рой держался в стороне и все пырнулся подойти. Из кармана его мешковатого пиджака торчал пухлый блокнот. Был ли он случайной причиной неприятности или намеренно ввязался в это дело, но итог один – у Лимана очередная папка на столе с не самым простым делом. И симпатии к скромной фигуре гостя из Жерло это никак не добавляло. Рой, похоже, был не глуп и соваться с праздными разговорами не спешил.

Сейчас Лиман остался один. Он присел на каменную скамейку на пустой платформе, подмигнул предупреждающему фонарю над рельсом. Когда-то рельс гудел в ожидании приближающегося вагона, сейчас по нему пробегали только далекие отголоски работы других линий.

Лиман взглянул вниз. Там проплыла вереница переполненных вагонов на ветке ниже. Значит идти меньше квартума. Главное, чтобы снова не обрушился ливень. Ему хотелось вернуться в офис, выкурить конкордийскую сигару, забрать денег из стола столько, сколько поместится в горсть и отправиться в узкие улочки рабочих трущоб, где можно найти настоящие душевные бары, а не вылизанные и причесанные заведения центра. Пить, пока последнее мертвое лицо несчастных пассажиров «Сомы» не смоеся из памяти, и ехидные лица Новака и Ольбера не растворятся в голове вместе с остатками мечты о спокойном отпуске.

Гроза ушла на север. Сейчас ее всполохи поблескивали на линии горизонта в пене бурлящих облаков. А сквозь тонкую пелену над головой пробивался красновато-желтый свет Планеты.

Ржавый рельс вгрызался в бетонный тупик, обвитый порванной в клочья и потрепанной желтой лентой. На покосившейся табличке, предупреждавшей, что путь закрыт, устроилась сойка и торопливо чистила перья.

Лиман прошел на платформу, оглянулся с чувством хорошо проделанной работы. Закрытая ветка уходила вдаль и сливалась с темнотой неба. Он присел на каменную скамейку, вытянул ногу, потер ладонью ноющую голень.

– Лиман! Хорошо, что я вас нашел.

По платформе бежал Рой, прижимая к груди толстую папку, из которой норовили выскользнуть бумаги, и несколько тонких книжек. Лиман махнул рукой, подвинулся, хотя широкая лавка была свободна.

– Вы следили за мной? – с легким раздражением спросил Лиман.

– Нет, что вы! Префект довез меня сюда, сказал, что отсюда я легко доберусь до центра, – он пожевал губу и обеспокоенно оглядел платформу. – Лиман, можно мне с вами?

– Нет. Не думаю. Мой рабочий день закончен.

– Но нам многое еще нужно обсудить!

– В другой раз. Найдете мой офис в справочнике. Это не сложно, поверьте.

Рой растерянно кивнул.

– Мне тут не нравится. А города я боюсь. Жерло совсем не такой, а остров, откуда я прибыл, совсем маленький. Ваша столица, она просто...

– Большая? – подсказал Лиман.

– Огромная. И очень много места. Вы бы видели Жерло, Лиман, это настоящий муравейник.

– Я не знаю, что такое муравейник?

– Я вам могу объяснить.

– В другой раз.

Лиман поднялся. Судя по гулу рельса, спасительный вагон совсем рядом.

– Вам посоветовать отель в центре? – аккуратно поинтересовался он, взглянув на растерянного Роя.

– Я попробую найти...

– Тогда удачи!

Вагон метро мягко остановился на платформе, обдав клубами пара. Внутри было почти пусто. Только два сменщика спешили домой и девушка в форме телефонистки. В порталах не доверяли коммутаторам.

На верхней станции зашли двое. Клерк в тонком пальто развернул газету. Заголовок на первой полосе сообщал, что пограничная охрана Конкордии задержала двух нарушителей на Матинель Тауне. Предположительно один из них мог оказаться ранее пропавшим членом семьи Морша. Лиман усмехнулся. Дома клана находились на территории Новака. Кое у кого намечалась длительная командировка в южное полушарие.

Офис Лимана находился под самой опорой, на которой возвышалась платформа станции. Тут узкая улочка вливалась в мощный проспект и упиралась в провизорскую лавку. Между двумя домами с резными балконными решетками и цветными ставнями затерялся неприметный офис с единственным окном и непокрашенной дверью. На табличке значилось «Городской констебль А. Лиман», а ниже дети нарисовали забавную рыбу в фуражке, которую Лиман все забывал стереть.

На улочку падала тень опоры. Промчался вагон, и стекла в домах по обе стороны улицы задрожали. В тупике у рыбной лавки толпился народ.

Лиман толкнул дверь. Когда-то в ответ звякал колокольчик, теперь под потолком болтался только обрывок шнура.

В серое окно лился тусклый свет уличных фонарей. Он выхватывал из темноты помещения лакированные углы старой мебели, когда-то конфискованной у портового дельца, да так и оставленной здесь, тяжелую вешалку для плащей, на которой болталось одинокое пальто, и разохшиеся доски пола со следами давно стертой краски. Лицо девушки пряталось в тени узкого, но массивного шкафа, закрывающего часть окна, только кончики светлых неровно обрезанных по плечи волос ловили свет фонарей. Ее руки покоились на столе среди неровных стопок бумаг, папок и фигурок альбатросов.

– Арина, ты еще не ушла?

Лиман прислонил трость к вешалке, скинул промокший китель на спинку стула.

– Я ждала вас.

– Что-то случилось? – он усмехнулся. – Ладно, по затянувшемуся молчанию мог бы догадаться – отпуск и деньги. Выпиши себе четыре дня и возьми в сейфе сколько нужно.

Арина подалась вперед, уткнулась подбородком в скрещенные перед собой пальцы и теперь тусклый свет переливался в ее огромных глазах, под которыми застыли крупные веснушки.

– Меня снова звал на работу констебль Ковальчик с северо-западного округа.

– Я знаю откуда этот ублюдок! Что он тебе предложил? Денег, кабинет, график шлепков по заднице? Последнего не обещаю, но кабинет можешь забрать мой. Сейф там же.

Арина молчала, покусывая губы. Она проводила Лимана взглядом до окна. Тяжелая штора отрезала офис от вечерней улицы. Лампа под низким потолком загорелась ровным желтым светом.

– Неудачный день для разговора, – заметила Арина. Она убрала китель со стула, достала из-под стола термос, в котором еще плескались остатки теплого несладкого чая. – Опять шли по рельсу. Когда перестанете так делать?

– Когда его починят.

Она промолчала. Сунула ему кружку с чаем и стопку писем. Лиман всмотрелся в ее миловидное лицо под косой челкой. Тонкие морщинки в уголках глаз нисколько его не портили, как и веснушки. Хотелось провести пальцем по кончику ее носа, а затем крепко обнять за хрупкие плечи. И отпустить уже девочку к этому чертову Ковальчику подальше от своих мокрых кителей, пыльного офиса в подвале и вечного бардака на столе, из-под которого каждый день она извлекала его ключи и бумажник. Вместо этого он вернул кружку.

– Письма в топку. Ни них и подогрей это пойло. Остыло, – он скользнул взглядом по упорядоченному хаосу на ее столе. – У меня остался один заказ на машину на сегодня – звони и езжай домой. Я доберусь пешком.

– Хорошо.

Он сунул ей желтый билет на вечернее такси.

– До завтра. Или что-то еще?

Она прищурено смотрела ему прямо в глаза.

– Да. Лицензию на убийство и разрешение на брак.

– Это к легарию. Пока!

Шутила Арина только тогда, когда была очень зла. Уже привык за столько лет. Лиман скрылся за дверью кабинета, прежде чем Арина успела что-нибудь ответить.

Кабинет был совсем небольшим: стол у маленького окна, полка с книгами и стеллаж, забитый толстыми папками дел. Пять лет службы, собранные, отсортированные и утрамбованные под серые переплеты тонкими пальцами Арины. На стене огромная карта города с выделенными цветными чернилами границами округа. Воздушный порт был косо заштрихован им лично пару лет назад. Рядом сотни записок и напоминаний от Арины о встречах, запланированных и пропущенных, покупках, графиках сдачи отчетов легарию, днях рождения, включая собственный.

Лиман упал в кресло, приоткрыл ящик стола, где дожидались несколько аккуратно свернутых сигарет из конкордийского листа и новые папки. Он достал скоросшиватель, проставил на нем номер, выудил из кармана и подколол первый лист – акт осмотра «Сомы». Скоро листов наберется немало. Их наискосок перечеркнут замечания и пометки Лимана, а на обложке появится неофициальное название. Это будет называться – Лиман уже решил про себя – «Мертвый дирижабль». Распахнув окно, он подпалил кончик сигареты и выпустил на пахнущую рыбой и сыростью улицу облачко сизого дыма. Оставалось всего шесть штук. Пора было наведаться к начальнику морского порта на душевную беседу за стаканом рома. Хотя и через него доставать нелегальный табак все сложнее. Однажды, как и в Близнецах, за сигаретку тут будет грозить тюремный срок. И какой-нибудь придурок Ковальчик лично наденет на него наручники.

Лиман долго вслушивался в шорох дождя за окном. Янтарный свет лился сверху, с улицы – там горели газовые фонари, изредка мелькали чьи-то ноги. Тихо шуршало радио. Сквозь треск и шипение доносились новости, изредка сменяемые набившей уже оскомину «Гранж Эланж». Но чаще в эфир врвался треск – отголоски гроз далекой Планеты. Оранжевая шкала настройки казалась широкой зубастой улыбкой в темноте кабинета.

Красный огонек полз по сигарете и неуклонно сокращал ее жизнь. По словам столичных докторов – его, Лимана, жизнь тоже заметно сокращалась. Но Лиман в это не верил. Равно как и в слова контрабандистов, что этот табак – лучший сорт с экваториальных островов.

«Начнем с того», – говорил про себя Лиман, пряча в карман очередную коробочку и отдавая стопку банкнот, – «что на экваторе вообще нет островов».

Телефонный звонок раздался как выстрел в тишине, мгновенно сорвал начавшуюся накатываться легкую дрему. Лиман понадеялся было, что Арина еще не ушла, но звонок повторился.

– Хренова звонилка, – он нашупал в темноте трость.

Телефон не прекращал звонить. Аппарат стоял на столе Арины среди мраморных и медных пеликанов. Рядом желтел оставленный билет на вызов такси.

– Констебль Лиман слушает.

Голос на том конце провода не принес хороших новостей.

– Почему звоните мне? Портовые склады – округ Новака.

Голос в трубке объяснил.

– Черт! – хрипло ответил Лиман. – Сейчас приеду.

Он вздохнул, снова забрался в мокрый китель и взял со стола желтый билет. В маленькой конфорке на окне еще тлели корешки конвертов. Чай согрелся и даже выплеснулся из кружки, но теперь снова остывал.

Рой сидел на краю длинной скамьи возле закипающего чайника. Радио на полке бормотало все те же новости и шипело далеким голосом Планеты. На вешалке сушился промокший плащ. Рой разглядывал собственные руки. Одно запястье было замотано бинтом.

– Где вы его нашли?

Охранник склада кивнул в сторону глухой улицы, почесывая густые баки. Узкая мокрая брусчатка искрилась в свете краешка Планеты, выглядывающего в разрыве облаков над темными крышами. По обе стороны каменные строения без окон. Дверь в одном из них была сорвана с петель.

В конце улицы темнела опора рельсовой дороги. Дальше дорога не шла – упиралась в океан бревенчатым ангаром вагонного депо.

– Уснул в вагоне и доехал до конечной, – сказал охранник. – Я проверил документы. Иностранец, поэтому сами понимаете...

Лиман вздохнул.

– Идем. Проверим склад.

– Да, но это уже заботы Новака, – заметил охранник.

– Идем!

На складах всегда пахло рыбой, хотя рыбу тут не хранили уже много лет. Лиман знал этот запах, въедающийся в доски и в память намертво, пока не сгниет окончательно и первое и второе. Он прислушался к тихому насвистыванию ветра под крышами зданий и шороху мелких лапок, перебирающих по мокрым балкам – вездесущие крысы. Дверь склада чудом держалась на одном навесе. Выломанный замок торчал из дверных досок как обломок ребра из груди.

Лиман аккуратно толкнул дверь, она скрипнула, но отворилась внутрь, удержавшись на навесе. Из помещения пахло мокрой бумагой и уксусом.

– Возьмите, – охранник протянул пистолет. Лиман уставился на тяжелую рукоятку. Трехзарядный облегченный револьвер. Дороговато для штатного оружия. Похоже, что владелец склада приплачивал лично за его охрану.

– Не надо. Не пользуюсь.

– Но как же?..

– А вот так. Присмотри за выходом. Я скоро.

Лиман шагнул в сырую темноту склада. Под высоким потолком виднелись два узких окна, оттуда сочился бледный свет, выхватывая бледные контуры коробок и мешков, занимавших полки вдоль стен и почти все пространство в центре. У дальней стены горой темнел угловатый брезент. Лиман с сомнением взглянул на тяжелые лампы под потолком. Слишком долго они будут разгораться, оповещая о тревоге всем окрестным жуликам.

Глаза быстро привыкали к темноте. Теперь отчетливо виделись распотрошенные коробки в углу, разрезанный брезент, бледный огарок свечи между грязными следами ног на полу. К шороху лапок и раскатам далекого грома примешался еще один звук – сиплое дыхание.

Лиман едва успел увернуться от летящей в его голову коробки. Тень метнулась в сторону, опрокидывая тюки с полок.

– Стой, идиот!

Вторая коробка ударила его в грудь. Лиман едва удержался, трость протестующе закрипела, скользнув по скользкому полу.

– Гримм, стой, засранец!

Тень замерла, уже готовая прыгнуть вниз. Теперь незнакомец вглядывался в темноту, не выпуская из рук обломок доски.

– Лиман, ты что ли?

– Какого черта ты делаешь? – Лиман потирал ушибленное плечо. Он присел на ящик, достал из кармана завернутую в сухую бумагу сигарету. Табак все-таки немного отсырел – потрескивал и шипел. Белый дым наполнил помещение. – Мы договаривались, кажется, Гримм.

Гримм присел на край полки. Спускаться он не спешил.

– Арестуешь меня, фишер?

– Ты не на моей территории.

– Вот именно, – усмехнулся Гримм в темноте. – А договор действует только там. Я не граблю на твоей земле, ты не трогаешь моих девочек в баре и не спрашиваешь откуда пойло и табак.

– Сейчас крикну охраннику, и он сделает тебе круглую дырку в черепе, – сказал Лиман.

– Тогда будешь разговаривать с моим приятелем-совладельцем, который вряд ли так свято чтит договор, – Гримм тоже закурил. Лиман отметил, что запах его табака куда приятнее.

– Какого хрена, фишер? – спросил Гримм. – Я ждал Новака с его амбалами, но не тебя.

– Прямо сильно ждал? Могу позвонить.

Гримм затянулся. Красный огонек на мгновение осветил его бородатое лицо. Затем он чиркнул окурком по доске и вниз посыпались красные искры.

– Мне нужно выбираться отсюда. Поможешь?

– Парень, хлипкий такой – иностранец из Жерло. Ты его видел? Толкнул, ограбил? Что ты с ним сделал?

Гримм прокашлялся и похрустел шеей.

– Не видел я никого. Заблудился я. Хотел через склад дорогу срезать, а тут ты. И товара на полмиллиона талеров.

Лиман поднялся и оперся на погнутую трость.

– Выходи через окно. Через дверь я тебя не пропущу. Не сейчас, когда буду объясняться с охраной по поводу шума.

Гримм насмешливо козырнул и полез вверх по широким полкам. Скоро он совсем растворился в темноте, слился с ней, готовый в любой проскользнуть в окно.

– Дерьмо! – Лиман завернул потухший окурочок обратно в бумагу и неспеша двинулся к выходу, ощущая на себе внимательный взгляд из темноты.

Центр города еще не спал. Горели газовые фонари. У раскрытых дверей баров и манжерий толпился народ. На углу старый эрза-капитан, поднявшись на помост из сколоченных ящичков, рассказывал о дальних странах, южных островах и морях за Волной. Вокруг собралась толпа зевак. Лиман бросил пару монеток в шапку у помоста. Капитан отвесил едва заметный поклон.

Рой всю дорогу шел молча, изредка косясь на ладонь, покоящуюся на его плече. Рука констебля не позволяла ни ускорить шаг, ни замедлиться, ни тем более свернуть в сторону.

– Куда мы идем? – наконец спросил он.

– Подальше оттуда, где вам не место.

Они остановились у двери с тонким полумесяцем. Из грязных желтых окон сочился приглушенный свет.

– Это отель? – уточнил Рой.

– Это бар.

Внутри было шумно. За столиками нет свободных мест, под потолком пыльное чучело рыбы-молот и тусклые электрические лампы. На огромной доске, привинченной к стене железными болтами, меню на вечер. Пахло жареной рыбой, свежим пивом и сушеными водорослями.

Лиман придвинул два высоких стула к стойке, попросил два бокала.

– Вы обедали сегодня?

Рой покачал головой. Лиман сунул ему под нос табличку с меню и отвернулся, осматриваясь. Девочки за столиками у окна в одинаковых красных жакетах торопливо усталились в окно. Бармен сухо кивнул, словно просил подтверждения, что Лиман не с показной проверкой, а просто зашел выпить бокал с приятелем. Лиман кивнул в ответ. Отпив глоток из высокого стакана, он с полуулыбкой пристально рассматривал девушек, пока они внезапно не засобирались, бросая на бармена растерянные взгляды.

– Я бы съел рыбу, – сказал Рой.

– Это сам заказывай, – отозвался Лиман, без предупреждения перейдя на ты.

Краем уха услышав про рыбу, бармен усмехнулся.

– Начистить бы твою рожу, – сказал Лиман, вернувшись к бокалу и похлопал Роя по плечу. – Это я не тебе. Заказывай все что нужно – это бар моего приятеля. Тут все относительно съедобно. Кроме вон той бурды в бутылках на второй и третьей полке. У тебя деньги хоть есть?

Рой полез в глубокие карманы пиджака.

– Ладно, оставь. Сегодня мы попросим тут скидку.

Некоторое время они сидели молча, опустошая большие кружки. Рой пил неумело, мелкими глотками, словно горячий чай. Лиман следил за его бегающим взглядом. На вид ученый-простак, которому не очень уютно в столице Архипелага. Наверняка у них в Жерло и баров нет, решил он. Разве что манжерии, совмещенные с читальными залами. Таким представлял город Жерло каждый, кто в нем не бывал, и Лиман не был исключением.

– У нас тоже есть бары, – сказал Рой, словно прочитав мысли. – Но я, как вы помните, не из самого города. На нашем острове-сателлите кроме трех музеев, библиотеки и почты нет

ничего развлекательного. В Жерло бары есть. Только они не такие. И гражданин туда ходить не может.

– Гражданин – это вроде тебя?

– Это же очевидно – можно понять по моему имени, – пожал плечами Рой и окинул взглядом шумное помещение. – Будь моя воля, я задержался бы у вас на месяц, как минимум.

– Так что мешает?

– То, что послезавтра я отправляюсь на один небольшой остров севернее Жерла.

– Так скоро?

Рой кивнул и тоже взялся за бокал. Он пил долго, словно там был не эль, а литр горной воды.

– Именно. Никаких зацепок здесь не найдем ни я ни вы. Конечно, почитаем завтра заключение медиков, послушаем техников, но я и так знаю, что они скажут. Инфаркт, разрыв артерии, обширный инсульт – что-то одно на выбор и примерно через одного в зависимости от возраста. Дирижабль окажется в полном порядке.

– Значит смерть вызвана естественными причинами? – усмехнулся Лиман.

– Есть такая вещь – теория вероятностей. Не буду вдаваться в подробности, но шансы что в одном дирижабле окажется столько бедолаг умерших по естественным причинам настолько мала, что вам будет проще поверить в убивающие книги.

Лиман большим глотком осушил кружку и попросил еще.

– Книги – расскажи мне о них.

Рой придал лицу скучающий вид. Вышло немного фальшиво. Было заметно, что он с нетерпением ждал этого вопроса.

– Примерно полгода назад нечто подобное произошло в Литературном музее Жерло. Проходила выставка редких изданий, включая двухтомник «Большое солнце» и иллюстрированный справочник «Рыбы». Слышали о таких?

– Продолжай.

– Разумеется, неподалеку от музея дежурила охрана, а экспозицию охранял ночной вахтер. Точнее, присматривал за порядком – его обычная работа. Ночь прошла спокойно, сигнализация не срабатывала, однако утром произошло нечто странное. Посетители собирались у дверей, но музей все еще был закрыт. Такого не случалось никогда ранее – музеи открывались каждое утро ровно в восемь часов утра, и открывал двери ночной вахтер. К слову, там действует специальная процедура. Если вахтер не открывает дверь, то без согласования с управлением...

– Что в итоге? – спросил Лиман нетерпеливо.

– Вахтера обнаружили сразу, когда полиция открыла двери. Он сидел в кресле с опущенной головой и поначалу все подумали, что он спит. Но вахтер оказался мертв. Как показала экспертиза – разрыв сердечного клапана.

– Это конечно удивительно. Сколько лет было вахтеру?

Рой поставил пустую кружку и серьезно кивнул.

– Понимаю ваш сарказм. Интереснее было то, что одна из книг экспозиции оказалась абсолютно пустой. Чистые страницы, как в той, в дирижабле.

– Быть может – просто совпадение?

– Все книги внесены в каталоги. И эта значилась как «Голос воды». Текст в ней определенно был. Более того, с нее сняли копию и микрофильмировали. Старый шрифт, язык похожий на островной ланг, но без переводчика почти нечитаемый. Автор неизвестен.

– И ни одной буквы?

– Абсолютно белые листы.

– А где она сейчас?

– В том и дело, что она хранится в архивах Жерло, приобщенная к делу. Полиция не сочла исчезновение текста и смерть вахтера совпадением, хотя прямой связи не нашла. Мне дали ознакомиться с ней, когда я заинтересовался этим происшествием. Не буду врать, никаких зацепок я тоже не нашел. Зато наткнулся на интересную запись в Хрониках. Там говорилось об одном ученом, который проводил опыты над странной книгой, у которой не было автора. Он считал, что в ней скрыты огромные силы и загадки прошлого. Неизвестно каких успехов он добился – записи не сохранились, однако есть информация о его смерти. Разрыв аорты. В найденной книге один лист оказался абсолютно пустым. Что стало с книгой дальше неизвестно.

– А что говорят свидетели?

– Это было почти двести лет назад. Я пытался отыскать и другие сведения, но нашел только легенды о книгах смерти, которые в разные эпохи и в разных местах обнаруживали себя, и всегда такие появления сопровождались жертвами.

– Ливраморт, – вспомнил Лиман.

– О происшествии на «Соме» сразу сообщили в порт Близнецов. К счастью, там нашлись люди, знакомые с моими исследованиями. Еще час мне потребовался чтобы убедить Конвент отправить меня сюда и подключиться к расследованию.

– Видимо в вашей стране мало скептиков, – заметил Лиман.

– Иначе Жерло не был бы городом ученых.

Лиман усмехнулся.

– По моим сведениям можно найти еще один уцелевший экземпляр книги, подобной той, которая убила музейного вахтера, древнего ученого и пассажиров целого воздушного корабля. Книга находится в частной коллекции. Если я доберусь до нее, то может быть пойму, что с книгами не так и связаны ли они со смертями.

– И, к счастью, все это ты сделаешь подальше от моего округа.

Рой ничего не сказал на это – возможно не услышал. Его глаза блестели, а на лице появилось наивно-глупое выражение. Лиман решил, что со следующей кружкой торопиться тому не стоит.

– Хотите отправиться со мной? – вдруг спросил Рой. – Мы могли бы вести расследование вместе.

– Воздержусь. Мне и без книг-убийц живется весело.

– Напрасно. Путешествия очень меняют взгляды на жизнь, – сказал он. – Может быть вам полезно будет совершить небольшой вояж. Вот мои взгляды поменялись, причем не в лучшую сторону, – Рой невесело усмехнулся. – Я мог стать великим географом, как капитан Лагранж, историком и писателем. А вместо этого публикую сомнительные статейки о чудесах и тайнах в газетах и околонаучных изданиях. К серьезным альманахам меня не подпускают и на кватрум.

– Еще не поздно все изменить, – дежурно заметил Лиман.

– Все и так уже изменилось. Лет пять назад. Я же не всегда был ученым и даже не собирался им быть. Я учился в Летной академии и хотел служить на летающей крепости. Но потом произошло кое-что. На одном острове, которого даже на карте нет.

Лиман осмотрелся по сторонам, взял Роя за плечо. Тот торопливо опустошал бокал.

– Что такое?

– Пойдем освежимся. Становится душно.

– Конечно. Слушай, странная у вас в столице мода. Я видел несколько девушек в одинаковых красных жакетах.

– Главное сам такой не носи, – отозвался Лиман.

Улица искрилась под светом газовых фонарей. В небе бесшумно кипят лентами облаков сиял серп Планеты. Почти касаясь острых крыш, проплывал над городом, медленно удаляясь к морю рейсовый дирижабль. Рой пинал острый уголок камня брусчатки, словно стараясь сбить опасные необтесанный край. Но только поцарапал носы туфель.

– Нет, вы видели? – едва успел сказать он, прежде чем пятерня Лимана впиалась в его горло. Констебль вжал его в стену, не опуская шею. Под его пальцами хаотично забился острый кадык. Рой попытался что-то прохрипеть, но Лиман тряхнул его за плечо и снова вбил в стену.

– Заткнись! Сначала я спрошу. Какого черта ты делал на складах? Ну, скажи мне, что просто гулял, давай!

Рой попытался кивнуть, но Лиман ударил его о кирпичную кладку, отпустил горло. Рой согнулся, кашляя. Каким-то чудом пиво все еще удерживалось внутри.

– Зачем вы?.. – прокашлял он.

– Затем, что ты, идиот, нанял человека, к которому даже я подходить брезгую, чтобы порыться на складе. Сколько ты ему заплатил и зачем?

– Я не понимаю, о чем вы...

Лиман ткнул его рукояткой трости в грудь и сжал кулак.

– Я ударю. И ударю очень сильно. Тебя когда-нибудь били, ученый? Вот я могу показать, как это.

– Стойте! – Рой держался за горло. – Триста. Я заплатил триста.

– Талеров?

– Островных марок.

Лиман отпустил его плечо.

– Ты хренов богач?

– Мне нужно было кое-что. С этого склада. Нужно было немедленно. Я понимаю, что вы в бешенстве, но вы должны понять... Когда его разберут на части, доступа уже не будет. Я потеряю возможность хоть что-то узнать.

– Ты сейчас про хренов автопилот?

– Я сейчас про автопилот.

Механизм с «Сомы», разумеется, сняли и отправили на склад до момента, пока легарий выпишет разрешение на экспертизу. Запакованный в кожух и брезент, он ждал среди коробок и мешков, пока неторопливый легарий Ольбер опустит свою печать на стандартный бланк.

– И ты хотел украсть улику?

– Только ознакомиться кое с чем. Эксперты разберут механизм, снимут валики с записями, но их расшифровка – совсем не то, что мне нужно. Лекс, понимаете, сам механизм обладает остаточной памятью от последних действий – комбинации расположения его элементов. Можно, если задать правильный вопрос, воссоздать последние минуты того, что произошло на «Соме». Вот почему я нашел человека, который вскроет склад и найдет автопилот.

– Попросить сделать все официально, конечно, нельзя было?

– Мой запрос перезапишет последний сегмент на валике – это нарушение процедуры. Не совсем законно, я бы сказал.

– Да, грабеж на складе – куда законнее. Как ты вообще нашел Гримма?

– Это куда проще, чем кажется. И, как я понимаю, вы платите ему? Или он вам?

Лиман опустил трость. В проулке выл ветер, гонял по земле обрывки газет.

– Не твое это дело, – он прижался спиной к шершавой стене, закрыл глаза. Где-то совсем рядом капала вода. Из темноты сознания медленно проступило лицо Иры Ош, отпечатком в памяти. Ее лицо казалось живым, словно она не умерла. Просто время остановилось. И вот-вот она моргнет, взглянет на него растерянно и наклонив голову прищурит веки. На ее лице будет читаться вопрос и недоумение, а губы замрут на серьезном лице полуоткрытыми, готовыми задать вопрос. Лиман открыл глаза. Ира Ош исчезла, и теперь на него смотрел Рой, потирая шею. – Послушай, если ты действительно знаешь, что нужно делать, то завтра я получу разрешение на осмотр механизма и сделаешь все что нужно. Под мою ответственность.

– Завтра? Боюсь, что не получится.

Лиман устало выдохнул.

- Это еще, черт тебя возьми, почему?
- Потому что автопилота с «Сомы» нет на складе.

2. Механическая церковь Ангстрема

Под утро поднялся сильный ветер. Огромные волны били по набережной, заливая улицы и топя в пене гранитные ограждения. Хлопали ставни в домах. Придерживая полы кителя и прикрывая лицо ладонью от соленых брызг, по мокрой мостовой шагал Лиман, слегка опираясь на погнутую трость. Рой семенил за ним, прижав к груди черный кожаный портфель. Серые дома с острыми крышами смотрели на них слепыми окнами по одну сторону улицы, по другую бушевало море.

– Лекс, подождите. Я не могу за вами угнаться.

Лиман неохотно остановился, опираясь на трость. С усмешкой взглянул на бледное и сонное лицо Роя.

– Неважно выглядишь, – заметил он. – У граждан Жерло непереносимость алкоголя? Я запомню.

– Нет. Вы просто слишком быстро идете. Наверное, издалека кажется, что вы отняли трость у меня и теперь убегаете с ней.

– Ладно подыши, – согласился Лиман и подумал, что Арина будет в ярости.

Она стояла у входа в двухэтажное серое здание, большие окна которого закрывали тяжелые ставни, прижимала к груди тонкую кожаную папку и шурилась от мелких соленых капель. Ветер трепал ее волосы и полы пиджака. За плотно сжатыми тонкими губами прятались невысказанные слова по поводу опоздания.

– Ничего не забыла? – спросил Лиман.

– Доброе утро, шеф, – она бросила взгляд на Роя, кивнула и открыла перед ними дверь. На медной табличке витиеватым почерком было вырезано: «О. Ольбер. Легарий округа Гриншафт».

– Здравствуйте, – тихо сказал Рой, заходя следом.

– Здравствуйте. Шеф, вы уверены, что без меня тут было не обойтись?

– Ты хотела, чтобы я пол утра копался в бланках?

Арина зло смотрела на него из-под косой челки.

– Почему вы его так боитесь, я не могу понять? – она выдернула из папки нужный лист.

Секретарь легария смерила их убивающим взглядом и вернулась к арифмометру. Жужжащий механизм выдавал на ее стол карточку за карточкой. Видимо разговорами они мешали шестеренкам свободно вращаться.

– Я его не боюсь. Я не хочу его видеть.

– Я вас сегодня тоже.

Она поправила пиджак на груди, смахнула с лица волосы и, не дожидаясь приглашения, проскользнула за дверь легария. Секретарь сделала вид, что ничего не заметила. Она перетянула карточки резинкой и поставила стопку на свободное место на полке.

Лиман осматривал стены приемной, не украшенные ничем, кроме двух сентиментальных гравюр и театральной афиши. Он успел подсчитать, что здесь спокойно поместились бы два его офиса целиком. А за окном вместо узкой улочки и рыбной лавки разбивались о гранитную набережную морские волны.

– Это ваша помощница? – тихо спросил Рой.

– Секретарь. Арина.

– Вы всегда так работаете?

– Я сам дал ей сегодня выходной.

Время шло, а из дверей никто не выходил. Лиман поискал глазами стул, но единственное маленькое кресло было занято неисправным старым арифмометром, куда более громоздким,

чем поблескивающая медью и хромом модель на столе секретаря. Такой стоил как годовая аренда офиса констебля. Лиман вздохнул. Все равно пользоваться такими штуками он не умел.

Некоторое время он молча наблюдал за щелчками крохотных рычажков под прозрачных кожухом, затем резко повернулся.

– Ты сам вызвался со мной работать или тебя отправили сюда в ссылку, Рой?

– Странный вопрос.

– И все же.

Рой поджал губы, стряхнул с пиджака невидимые капли воды.

– Вам не нравятся мои рассуждения о книгах-убийцах, так? Вы бы почитали другие статьи...

Лиман усмехнулся.

– Если интересно мнение констебля, чем менее загадочно происшествие – тем проще работа.

– Не в моем случае. И разумеется, Лекс, я ничего и никому не говорил о ливраморт. Кроме вас.

– Вот и замечательно. И мне говори пореже.

Рой некоторое время сидел молча, разглядывая яркую афишу на стене, потом шумно выдохнул.

– Лекс, неужели мир для вас предельно прост? Корабли, рыбаки, кофе по утрам и аванс по средам, водород и паровые машины, дирижабли в небе и пять миллионов чудачков на других берегах за морями. И больше ничего странного и загадочного в нем быть не может. Пресный мир, как пончик к чаю, с всегда знакомой начинкой, который привычно ешь и не очень-то хочешь, чтобы его вкус однажды стал другим.

Лиман промолчал.

– Двести лет назад к концу Темных времен вас бы утопили в море за мысль о том, что корабли могут летать по воздуху. На одном из них, Лекс, я утром отправлюсь в мой родной город.

– Все куда проще, Рой. Сегодня ты поколдуешь над механическим автопилотом, если мы его найдем, и вытянешь из него все что можно, я закрою дело, наконец дам Арине нормальный отгул и буду отдыхать сам. И буду при этом безмерно счастлив. Тебе что-нибудь хорошее копания в замшелой мистике принесли? Кроме статуса поехавшего ученого.

– Ничего. Но мне и этого хватает.

Рой хотел добавить что-то, но не успел. Дверь кабинета открылась, выпустив озадаченную и все еще рассерженную Арину.

– Пойдемте, – коротко сказала она, кивнув в сторону выхода.

Ветер снаружи слегка утих. Только волны все еще бились о гранитный берег, заливая пеной мостовую.

– Он списал его, шеф. Списал как непригодное для экспертизы устройство.

– Чушь! Автопилот был исправен.

Арина указала рукой на закрытое ставней окно.

– Поднимитесь, поговорите с ним об этом?

– Ладно. Где устройство сейчас?

– Меня он посылает редко, но в этот раз был близок. В общем – я не знаю. В утиле, возможно. У торговцев металлом или старьевщиков.

Лиман кивнул.

– Напомни, что будет если повозить его лицом по собственной столешнице?

– Отзыв лицензии и два года в камере.

– Мне это не подходит, – он аккуратно поправил воротник Арины. – Спасибо. Можешь заниматься своими делами.

Она сердито выдохнула.

– Мою запись к парикмахеру пришлось отменить. Собеседование тоже. Спасибо, шеф! Так что я в офис и буду ждать вас там. Могу захватить бедолагу и дать ему таблетку, – она едва заметно улыбнулась Рою.

– Нет. Мы сейчас заглянем с ним кое-куда. Покажу местную достопримечательность.

Арина пожалала плечами и заспешила в сторону пустого мокрого проспекта, защищенного от ветра рядами старых двухэтажных зданий. Рой некоторое время смотрел ей вслед.

– Достопримечательность – это же не очередной бар? – с надеждой спросил он.

– Нет. Это кое-что менее забавное. Хотя, как посмотреть...

Когда-то здание было маяком. Оно могло бы быть им и сейчас, если выгрести из его нутра все лишнее и снова включить сохранившийся прожектор. Но радиовышка на холме работала исправно, и в старомодном маяке не было больше никакой нужды. Впрочем, смена хозяина пошла зданию только на пользу. Старый кирпич покрыла белая краска, пыльные окна уступили место витражам. На сохранившейся ограде над самыми воротами блестела свежей краской кованая вывеска: «Механическая церковь Ангстрема». Чуть выше символ церкви – три соединенные между собой шестеренки. Такие же венчали купол-фонарь над маяком.

Рой остановился и задумчиво уставился на постройку.

– Это просто секта полоумных механиков на старом маяке, – напомнил Лиман.

– Я никогда не видел их храмов, только слышал о них. Говорят, эта церковь появилась на островах Близнецах лет сорок назад, но сейчас их изгнали на север. Или солнцепоклонники или даже власти Близнецов.

– Можешь спросить лично настоятеля, когда я закончу.

Все те же притворные улыбки, что и в Солнечной церкви. Только никто не пытается нацепить на тебя красный пояс и заставить восхищенно пялиться на светило, заливаясь слезами. Смазливая девушка с короткой стрижкой предложила часы на дешевом матерчатом ремешке. Горсть таких же лежала на низком столике возле брошюр, украшенных изображениями шестерней. В прозрачном поддоне под огромной фреской, содержащей только изображение десятки в минус десятой степени, лежали вперемешку старые поломанные хронометры, изношенные арифмометры, куски малоизвестных механизмов с торчащими пружинами.

– Возьмите, пожалуйста. Точное время уже выставлено. Если у вас есть сломанные часы или другие механизмы – мы с радостью примем пожертвование.

Рой полез в кошелек и поискал глазами урну для монет. Но ее нигде не было. Озадаченный, он смотрел на протянутые наручные часы.

– Нет, спасибо.

– Прошу вас, дайте шанс механизму исполнить свое предназначение!

Рой растерянно взглянул на Лимана, но то только пожал плечами.

– Секунда, деточка, не стоит приставать к нашим гостям, – живой и неестественно радостный голос разбил неловкое молчание. – Пожалуйста, простите нас!

Настоятель носил простой белый костюм и церемониальный фартук с таким же декоративным и скорее всего даже нарисованным карманом.

– Констебль, рад вас видеть снова! И вашего друга тоже, хоть мы и не представлены.

– Он всегда говорит витиевато, привыкай, – громко шепнул Лиман, но девочка Секунда с часами в руках не ответила даже тенью улыбки. Она смотрела на настоятеля и глаза ее становились все больше и больше. Когда они заблестели, Лиман тихо ругнулся.

– Черт с тобой, сектант хренов. Давай сюда свои будильники. Приличия – есть приличия. Рой, тяни руку.

Тонкий ремешок обвил запястье. Часы были холодными и тяжелыми.

– Спасибо, – поклонился настоятель. – Благодарен, хотя это было совсем необязательно.

– Как же... У меня нет столько носовых платков на твоих «заводных» девочек.

Рой хохотнул, но вовремя прикрыл рот рукой.

– О, не переживаете. Это у констебля своеобразный юмор. Обидеть ни меня ни это место невозможно, – он умиротворенно вздохнул и взглянул под свод, где покачивался тяжелый маятник. – В этом простом свойстве великого механизма кроется и его главная сила – он абсолютно безучастен к страстям. Ваши слова, как и мое великодушие к гостям Церкви – не более чем шевеление воздуха, который перемалывают соединяющиеся зубцы шестерней. Идемте, вы же хотели поговорить.

Никакого кабинета или уединенной комнаты в конце короткого похода вглубь храма не последовало. Они присели на длинную скамью спиной к немногочисленным прихожанам. Перед ними сверкал бронзой и хромом и шуршал тысячами шестеренок и вариаторов механический алтарь. Желтые и зеленые пятна света от витража играли на его безупречно отшлифованном корпусе. Цифры в окошках на самом верху неспешно вели обратный отсчет.

– Простите..., – настоятель пощелкал пальцами и вопросительно кивнул Рою.

– Хета Первый..., – спохватился Рой.

– О, так вы из Жерла. Большая честь.

Лиман брезгливо поморщился и требовательно протянул руку.

– Клод, завязывай с любезностями. Меня сейчас стошнит.

Настоятель – Клод усмехнулся и полез во внутренний карман пиджака. В портсигаре с механическим доводчиком и замком лежало четыре сигареты.

Рой огромными глазами следил за тем, как Лиман подкуривает свернутый табак. В свете витража повисло сизое облачко.

– Это же...

– Незаконно, – улыбнулся Клод и достал сигарету себе тоже. Дунул в полый фильтр. – Но нашему богу плевать на законы, табак и дым. Чистую логику его разума не смутит непристойным поведением, верно? – он подмигнул Лиману, но тот, прикрыв глаза, пускал кольца в сторону жужжащего и клацающего алтаря. – Чем обязан?

– У тебя одна игрушка, которая мне очень нужна. Идиот и алкоголик легарий слил тебе ее, как я понимаю, за немалый куш. А я прошу даже не вернуть, а просто побеседовать с ней. По-дружески. Потом можешь продолжать целовать механический зад сколько угодно, я от тебя и твоей конторы отстану.

Клод затаился и вдруг засмеялся, выпуская дым густыми облачками.

– Прямолинеен и бестактен, как и любой кусок мяса. Без обид, дорогой Хета, у нас тоже есть свой юмор.

Рой пожал плечами и отсел подальше от дыма. Он разглядывал алтарь и в непрерывном клацанье и шорохе ему слышалась какая-то скрытая и сложная последовательность.

– Разумеется, я не понимаю о какой игрушке идет речь. И, надеюсь, ты имел в виду не механизм, потому что вот тут уже слышится оскорбление.

– Заткнись, Клод.

В повисшую паузу встрял вопрос Роя.

– Почему часы?

Клод вопросительно поднял подбородок, взглянул на ремешок, который уже покачивался на пальцах Роя.

– Пожалуйста, осторожнее, не уроните. Вам может показаться, что это скопление зубчатых колес и пружин, но это жизнь, которая хоть и отличается от нашей, но не менее ценная.

– И вы раздаете ее всем входящим?

Клод снисходительно улыбнулся и продолжил.

– Хета, дорогой наш гость, вы говорите о том, в чем нисколько не разбираетесь. Но я позволю себе немного просветить вас, – он сел поудобнее, положив ногу на колено, на что Лиман покачал головой и закатил глаза. – Вот вам, Хета...

– Рой.

– Вам, Рой, не более тридцати. Когда вам исполнится семьдесят или восемьдесят по времени Родины, вы станете куда мудрее и степеннее себя сегодняшнего.

– Что логично, – сказал Рой.

– Вот. Смею предположить, что перед самой вашей кончиной вы достигнете пика своей мудрости. Изношенный механизм, из тех, которые мы просим пожертвовать нашей церкви, достигает предела своих вычислительных и производственных возможностей. Чем он старше, тем ближе к откровению и абсолютной истине. Алтарь, который вы видите перед собой, собран из бесчисленного множества старых механизмов, продолживших свою жизнь, а отсчет там наверху, – он указал на сменяющиеся в окошках цифры, – указывает на момент достижения Нуля – точки превосходства механики над примитивным биологическим разумом. Надевая часы и начиная их использовать, вы даете механизму шанс стать ближе к своему триумфу и пределу своих возможностей.

Рой перестал считать ошибки в рассуждениях на середине и теперь просто молча кивал. Шестерни прямо перед ним на мгновение остановились, а затем закрутились в обратную сторону.

– Я так понимаю, что это – нет? – сказал Лиман.

– Понимай, как знаешь, констебль. Могу предложить кофе или еще сигарету, но не более.

Лиман хлопнул в ладоши и поднялся, опираясь на трость.

– Что ж, думаю, врать мне тебе резона нет. Разве что ордер на обыск развеет мои сомнения, – он вдруг засмеялся. Клод засмеялся тоже и осуждающе пощелкал языком.

– Кстати, Рой, констебль, не могу не предложить наши новые брошюры. Отпечатаны неделю назад в типографии Морша, – он попытался сунуть два цветных буклета.

Лиман отодвинул его руку.

– Спасибо, не нужно. Пока растапливаю печь заявлениями об ограблении странных церквей. Рой, идем. Не будем мешать службе.

Клод попытался сунуть буклет в карман Роя, но тот оказался бутафорским. Покусывая губы, он смотрел вслед удаляющимся гостям.

Ветер снаружи утих. Только море все еще беспокойно пенилось. В фонаре маяка шумно передвигали стрелки большие часы.

– За ордером? – предложил Рой.

Лиман усмехнулся.

– От легария, который сам продал улику за большую взятку? Да, хорошая идея. Идем, время пообедать и привести мысли в порядок.

Рой обернулся на здание церкви. Ему вдруг показалось, что в маленьком окне второго этажа мелькнуло и скрылось бледное лицо.

– Может автопилот и не у них. У понимаю, что они собирают редкие и тем более сломанные механизмы, но это же не значит, что он непременно попал им в руки.

Лиман вжал голову в ворот и застыл на перекрестке, выбирая направление.

– Звучит резонно. Вот только автопилот там. Они сделали корзину для жертвований из его прозрачного кожуха.

В глубинах старых книг, которые Рой открывал когда-то в детстве, говорилось, что Архипелаг был древней землей первых людей. Тех, кто пришел с Родины. Пологие, похожие на вытя-

нутые среди угрюмых волн пальцы, острова походили на застывший в куске прозрачной смолы мир. Отсюда плавно отправлялись во все стороны света медленные дирижабли, а дымные хвосты гидролизных фабрик отрывались от труб и парили над морем, сливаясь с облаками. Отсюда когда-то ушли корабли с искателями новой жизни, осевшие на десятках островов, основавшие Близнецы и Жерло, нашедшие и новую жизнь и внезапную смерть. Это были корабли, похожие на те, что и сейчас стоят в доках, помнящие еще самого капитана Лагранжа. Мир бурлил и пытался развиваться среди скудности ресурсов мира-океана, похожий на тот сложный механизм из миллионов шестеренок, которому поклонялись служители странного культа. И только Архипелаг застыл во времени и среди холодных волн четырьмя каменными монолитами, почти обезлюдевший и все также похожий на кварцевое стекло с мелкими крупинками песка.

Россыпь красных черепичных крыш покрывала оконечность самого крупного острова-монолита. Тут среди кривых улиц пряталось здание почты с высоким крыльцом, увитым кованым вьюном. Рой смотрел на россыпь ярких акварельных марок. Старый почтальон понимающе поглядывал на него и усмехался, периодически подкладывая плашку с другими, еще более яркими экземплярами. Рой вертел в руках запечатанное письмо вместе с двумя мятыми купюрами, но наклеивать и портить красоту дальних островов, величественных воздушных кораблей и древних маяков синими штампами все еще считал преступлением, за которое по невнимательности легариев никто так и не предусмотрел штрафа.

– У вас странный акцент, – заметил почтальон.

– В ваших краях совсем ненадолго, – пояснил Рой. – И хочется что-то оставить на память.

– Тогда посмотрите вот эти, – перед Роем появился еще более яркий набор. – Хотя на них нет ни одного вида Архипелага. Все наши марки о других землях, но только не о своих собственных местах, – старик невесело усмехнулся. – Но это дань старой традиции: мы – окно в мир большого моря, но смотря в окно никто не видит самого окна.

Рой пожал плечами и достал из пухлого, набитого газетными вырезками и старыми билетами кошелька еще пару купюр.

– У нас остаются или на пару дней или на всю жизнь, – добавил почтальон. – Но точно никто не задерживается больше чем на неделю.

– Но именно это я и хочу сделать, – Рой повертел белым конвертом и с сожалением показал на две марки. – Этих хватит до Жерло? И вот эти пять я тоже возьму.

Старик кивнул и приступил к неспешной работе. За узким окошком выл ветер. Большая волна проходила по меридиану, на несколько дней меняя направление течений, и остаток недели обещал быть прохладным и ветренным, а обычно синее море сменялось высокими волнами цвета олова.

– Что это? – Рой аккуратно, стараясь не коснуться кончиком пальца, указал на крупную белую марку, с которой смотрел холодный, лишенный век и окутанный сплетенными щупальцами глаз. Чудовище с отрешенной жестокостью смотрело с глянцевого бумажки.

– Спрут острова Иль, – пояснил старик, нацепив очки. – Местная легенда. Если будете в тех краях, спрашивайте рыбаков и они расскажут о нем много интересного. Большая часть историй будет откровенной выдумкой, но какие-то окажутся чистой правдой. Вот только вы не узнаете никогда какие именно. Но не думайте, что необычные вещи – это только то, что творится за пределами – мы тоже богаты подробным. Например, какая-то чертовщина с почтой происходит последнее время – письма с неправильными датами...

– Дайте и эту тоже, – перебил Рой и снова потянулся к бумажнику. – А вы сами бывали там? На острове Иль.

Старик усмехнулся.

– Что вы, молодой человек. Я как раз отношусь к тем счастливицам, которые никогда не покидали Архипелаг.

Письмо с жирным штемпелем, легшим поперек акварельного маяка, заняло свое место на стопке таких же. Не пройдет и дня, как оно оправится воздушным кораблем к отвесным берегам Жерла и ляжет на стол секретаря Конвента, забив еще один гвоздь в крышку гроба его, Роя, карьеры. Теперь это было неизбежно, и следующие несколько дней следовало провести с максимальной пользой, чтобы не вернуться к Конвенту с пустыми руками. Но сделать это можно было лишь максимально сложным способом.

– От вас можно позвонить?

Возле телефона нашелся толстый справочник пятилетней давности. К счастью, Архипелаг был мало подвержен течению времени.

– Могу я услышать констебля Лимана?

Хрипловатый женский голос ответил, что не раньше, чем через час и записываться на прием заранее не нужно.

– Как вы себя чувствуете, Рой? – спросила она.

– Вы меня запомнили? Спасибо, неплохо. Во время шторма на борту парома бывало и похуже.

– Если мы говорим об одном и том же пароме, то я вас понимаю. Шеф сказал, что, если вы объявитесь, передать, что он будет ждать вас в манжерии на углу возле Храма Ангстрема. В семнадцать ровно. Можете не спешить. Шеф не сильно пунктуален и ходит в основном пешком, – она ненадолго затихла, подбирая слова, затем спросила тише, хотя все также хрипловато. – Вы надолго в столице? Если вы зайдете к нам в офис, я приготовлю чай. Не смущайтесь, я просто хочу узнать, как там... в Жерло?

– Вы никогда не были?

– Никогда и нигде, кроме Архипелага, – в трубке послышались звон и громкий шорох. – Кажется, у нас посетитель. Мне нужно идти. Надеюсь, до встречи, господин Рой.

«Мастер Рой» – мелькнуло в его голове и стыдливо затихло. Нестерпимо захотелось чая. Рой взглянул на часы и отметил, что успеет навестить лишь ближайшую манжерия. До встречи на площади у Церкви Ангстрема оставалось чуть меньше часа.

Ветер не утихал. И море тоже было беспокойным. Тяжелые волны разбивались о гранитный берег, осыпая холодными брызгами мостовую. Низкие тучи колыхались над городом, и небо было похоже на опрокинутый океан. Казалось, вода вот-вот хлынет вниз, но не мелкими каплями, а ревушим потоком.

Над черепичными крышами разнесся протяжный гул. Боевые корабли заходили в порт, оповещая паровыми гудками о заступлении на вахту. Два броненосца с боевыми шрамами на обшивке, давно списанные из флота Близнецов, но еще пригодные для того, чтобы патрулировать берега Архипелага. Или делать вид, что порты и город под надежной охраной. Каждый рыбак в округе понимал, что захода одного звена конкордийского флота хватит чтобы разнести этот береговой патруль в щепки, но двухнедельное дежурство и завершающие его гудки стали традицией города, претендующей на незыблемость.

Человек за липким лакированным столиком напротив Лимана был похож на вытащенную из раковины улитку и засунутую с замшелый костюм. Его болезненная бледнота сливалась с серостью пасмурного дня, гармонировала с ней. Лиман то и дело переводил взгляд с его тонкого полупрозрачного носа, сквозь который просвечивал сизый хрящ, на руки в черных перчатках. Между манжетой и тонкой черной оборкой виднелась полоска сизой кожи. Лиман давно не испытывал к нему отвращения, скорее легкую тревогу от точных паучьих движений – едва различимая под толстым рукавом пальто рука то и дело подносила чашку к тонкогу-

бому рту. В том, что эти же пальцы могут легко и точно свернуть любой массивности шею, он нисколько не сомневался.

– Игор, как Архипелаг называют у тебя дома? – Лиман давно допил кофе и теперь плавными движениями чашки размазывал остатки гущи по тонким стенкам. За окном нехотя расходилась толпа. Ворота церкви все еще были приоткрыты, хотя санитары уже вынесли тело и затолкали в больничную карету. Помощники констебля отгоняли любопытных от широкого крыльца, на котором даже издали виднелись бурые пятна.

– Так и называют.

Лиман кивнул. Чашка в его руках дрогнула, и темная полоска пересекла похожий на голову лошади рисунок.

– Я слышал, что на юге его называют столицей и никак иначе. Вроде бы как дань уважения к тем временам, когда кроме наших островов вокруг было только неизвестное море. Но я всегда слышал в этом легкую насмешку, такую, знаешь, – Лиман пощелкал пальцами, подбирая слово, – снисходительную. Вроде того как когда флот Близначев охраняет наши берега по какому-то древнему как нашивки на моем кителе договору. Все равно что вытирать брызжащий рот немощному, но когда-то могучему отцу. Не находишь?

– Ты говоришь крамольные вещи, фишер.

Лиман усмехнулся.

– Решил меня оскорбить? Оставь эти прозвища для Гримма и подобных ему. Я тебе плачу и за это требую уважения.

Игор едва заметно растянул уголки губ и тут же прикрыл насмешливую улыбку чашкой.

– Ты мне платишь. Платишь Игору и потому не можешь просить об уважении. Только о светской беседе, которой я лишен в своем доме, а старые книги и настенные паразиты, знаешь ли, неважные собеседники. И еще об информации. Все эти разговоры об уважении вызывают боль в моих суставах, – он промокнул губы салфеткой и устался в окно. – Ты им не поможешь? – Игор указал в сторону окна. Больничная карета уже укатила вниз по улице в сторону городского морга, куполом возвышающегося над старым рыбацким поселком. Полыхнула вспышка фотоаппарата.

– Не мой округ. Констебль Керн неплохой человек, но приставать к нему с вопросами и предлагать помощь – редкая бестактность, – Лиман подался вперед и спросил в полголоса, стараясь не смотреть в впалые рыбы глаза. – Настоятель Клод как-то причастен к тому, что произошло с дирижаблем? Если да, то как именно? Я не слишком верю в совпадения – Архипелаг слишком густонаселенное место для такой роскоши как совпадения. Каким-то неведомым чудом это дело досталось мне, а не Новаку и, прежде чем я придумал, как от этого можно отвертеться, выясняется, что наш пришелец – гость из Жерла Хета Рой подкупает моего агента в мире воров Гримма, чтобы украсть единственную нормальную улику со склада – механического болвана автопилота, единственного свидетеля происшествия. И в тоже время наш общий любимец легарий, видимо не за стопку талеров, а по доброте душевной, списывает механизм на склад, откуда его уводит настоятель этой церкви поклонения шестеренкам. Не многовато ли событий для одного дня? Я плохой констебль, но какие-то странные липкие нити между этими субъектами я вижу. Потому и спрашиваю – настоятель Клод в этом замешан?

Игор неспешно снял перчатки и вытянул из кармана пальто пухлый блокнот, ошетилившийся закладками. Из другого кармана он извлек тонкие очки-бритвы и усмехнулся.

– Память уже не та, любезный фишер. Приходится пользоваться вечной благородной бумагой, которая способна пережить и меня и уж тем более тебя.

Лиман поморщился.

– Клод Жино. Родился на Малых Островах еще в то время, когда они были под властью Конкордии, там же и прожил половину своей совершенно бесполезной жизни. Два раза сидел за решеткой. Последний раз за сочинение безграмотных революционных стихов для местной

партии сепаратистов, в которой тайно состоял, но не просидел и года – освобожден по амнистии новой оккупационной администрацией Близнецов. Первый раз – за ограбление рыбного магазинчика. После освобождения искал себя, ночевал в приютах и на улицах, пока однажды не увидел новенький блестящий символ из трех шестеренок на крыше старой ратуши. Близнецы – республика вояк и инженеров, куда приходят они, туда следует за ними и культ механизмов. Не знаю, насколько он проникся с первые дни идеями поклонения вращающимся железкам, но первый храм только открылся на Малых островах и ему отчаянно требовались адепты и слуги. Клод сменил рваное пальто на мантию магистра, затем на рясу настоятеля, в которой и проходил с широкой улыбкой на лице почти четыре года, завлекая харизмой и хитростью все новых и новых людей в храм. Уже не за горами маячило продвижение и не какое-нибудь, а сан Верховного Механика Малых островов, когда вскрылись некоторые неприятные моменты. Оккупационная администрация островов сменилась вполне светской, обросла бюрократией и контрольными службами, которые и накопили довольно интересные и сомнительные контракты Механической церкви и местных магнатов на закупку узловых частей, для соединения отдельных элементов алтаря – такая непрерывно тикающая штука в центре храма.

– Я в курсе.

– А я продолжу. Цена была явно завышена, а цифры пожертвований – напротив, были куда ниже реальных. Судья Церкви Ангстрема прибыл на острова почти сразу вместе со своими инквизиторами и начали жестоко и точно копать под Клода. Обыски выявили в его келье довольно приличные запасы островной валюты и сомнительные вещи – книги о Культе Тишины, о котором никто ничего не знал. Пользуясь этим досадным для судьи фактом, Клод сознался вот всех коррупционных делах ради личной наживы, но последним его заявлением была фраза о том, что ни одним своим действием он не нанес вреда механизмам и делу церкви. Как ни чесались руки у судьи – к слову, довольно благородного человека, выдворить Клода за пределы церкви он не смог, поскольку действительно серьезного преступления против механизмов он не совершал. Что до личной наживы – не более чем мерзкие недостатки органической плоти, о чем он воодушевленно заявил на суде с презрением указав на свое тело. Обвинение в причастности к другим культам подтверждения не нашло – сомнительные книги не содержали призывов к уничтожению машин, да и принадлежность их Клоду Жино всячески им отрицалась. Учитывая, что инквизиторы не гнушаются подбрасыванием липовых улик, эту часть обвинения просто убрали из протокола. Клод оказался разжалованным до миссионера. Но надо знать этого человека, успевшего получить приличное образование и авторитет поверх гнилой душонки афериста, чтобы понять, что мириться с новым положением он не собирался. Обосноваться на Архипелаге ему помог случай – во время пожара в квартале механиков, начавшегося после взрыва на гидролизной фабрике, сильно пострадал и остался калеккой местный настоятель. Насколько причастен к этому сам Клод, мы опустим. Важно лишь то, что временно местный приход возглавил он. А уже через месяц конклав Церкви получил письмо со смелыми утверждениями, что именно в этом храме произойдет важнейшее для всего культа событие – преодоление второй черты Тьюринга. Он запрашивал разрешение официально остаться настоятелем храма и продолжить работу над проектом, результаты которого – к слову довольно впечатляющие для конклава – также легли на их стол. Говорили, что Клод действительно много работал и почти не покидал храм. И, разумеется, он делал все, чтобы его работа увенчалась успехом. Положить стопку талеров на стол легария, чтобы забрать один из самых совершенных механизмов придуманных инженерами Близнецов – автопилот воздушного лайнера – не самое значимое из его сомнительных действий, как я думаю.

Лиман отставил чашку и посмотрел в окно. Зеваки исчезли. Ветер колыхал обрывки тряпичной ленты у приоткрытых дверей храма. Ротозеи Керна как обычно забыли смотать и унести с собой. Бурые пятна на ступенях никуда не исчезли.

– Ты заходил к нему, верно? Вчера, насколько мне известно. И привел с собой этого ученого-ищейку из Жерла.

– Ты следишь за мной тоже? – с нескрываемым неудовольствием и нотками угрозы спросил Лиман, заранее зная, что ответ будет расплывчатым или насмешливым.

– Не всегда. Только когда уверен, что мне заплатят. И это был как раз тот случай. Например, твой коллега Новак был бы рад узнать, насколько паршиво ты ведешь дела. Я это не серьезно, конечно, но отчасти так и есть, – Игор раскрыл свой блокнот и выудил запрятанную между страниц листовку с основными постулатами Церкви Ангстрема. – Клод пытался вручить тебе вот это, верно? И твоему приятелю тоже, но у того оказались зашиты карманы, поскольку приличный костюм он купил накануне вылета и не успел привести его в порядок.

– Ты издеваешься надо мной!

Игор улыбнулся, обнажив синеватые ровные зубы.

– Все нет. На этот раз нет. Я был там и все видел – сидел во втором ряду и дожидался службы. Вся беседа с настоятелем была для меня небольшим бесплатным театром. А вот брошюрку я поднял и прихватил с собой. И тебе следовало, – он раскрыл ее и провел костлявым пальцем по нижней строчке. Едва заметный бледный шрифт, сильно отличающийся от острых жирных букв в постулатах веры, складывался в короткие слова северного диалекта островного ланга: «Спасите меня». – Будь у тебя немного эмпатии и сообразительности, ты бы брал настоятельно вручаемые тебе записки. В них может оказаться масса интересного. Например, призыв о помощи. Допустим от человека, который уже много недель не покидает стен храма.

Лиман поиграл желваками. Игор раздражал своей правотой почти так же, как и ценами за свои услуги.

– Что ты делал там? Не говори, что решил сменить свой склеп на келью.

Игор ответил бледной тенью улыбки и нацепил перчатки. Блокнот отправился вглубь его пальто.

– Что ты, фишер! Просто у нас не так много любопытных мест в городе, которые рады приютить Игоря в пасмурный день. А тикающий звук алтаря меня на удивление успокаивает.

Лиман отвернулся к окну. Идея о том, что Клод был пленником своей же церкви и отчаянно просил о помощи – не так уж глупа. В конце концов, он был из тех людей, которые берут деньги у сомнительных личностей на сомнительные проекты. Типы куда неприятнее Гримма вполне могли держать его за толстыми стенами храма и контролировать работу, которая сулила неплохие барыши или хотя бы проценты с того, что Клод успел у них занять.

«Отпечатаны неделю назад в типографии Морша», – кажется так он сказал, протягивая буклет. Уже тут следовало включить мозги. У клана Морша есть порты, рынки и фабрики, но нет типографии. Листовки и буклеты печатает сама церковь. Но тогда это казалось неважным. Сейчас стало поводом для того, чтобы блеклые глаза насмешливо рассматривали его, ища на лице тень сомнения и отчаяния.

– Мне нужно попасть туда еще раз, – сказал он вслух, хотя не собирался. Игор все же смог вывести его из равновесия.

– Несмотря на опечатанные констеблем Керном двери? – с деланным удивлением спросил Игор.

– Разумеется. И тебе пора. Сейчас придет наш гость из Жерла, которого ты называешь моим приятелем.

Игор кивнул и требовательно протянул руку.

– Он придет быстрее чем ты думаешь. Я заметил его пиджак с все еще зашитыми карманами по ту сторону улицы еще пять минут назад – он подслеповат и отчаянно ищет манжерию, всматриваясь в вывески. Поэтому хотелось бы получить гонорар прямо сейчас. И десять процентов в счет будущей просьбы, ты знаешь условия.

Лиман ответил раздраженным взглядом и полез в бумажник.

– Я не счетовод, Игор. И не дурацкая счетная машина из этой церкви, но я чувствую в этом какой-то подвох.

– Кстати, твоя просьба насчет секретарши Арины...

– Просто сделай это! Я заплачу сверху сколько нужно.

Игор слился с сумраком и исчез, прежде чем Рой распахнул двери манжерии. Он близко сощурился, отыскивая Лимана среди столиков, затем приветственно махнул рукой.

– Наш настоятель тяжело ранен и вряд ли дотянет до утра. Церковь опечатана, но охрану констебль не выставил. Видимо, предположил, что в храме особо воровать нечего. Содержимое алтаря может заинтересовать только настоятеля другого такого же точно храма, но это преступление против механизмов и вряд ли кто-то на это пойдет.

– Вы все это узнали отсюда, не вставая из-за столика?

– У меня свои методы работы и лучше тебе о них не знать, – Лиман привлек внимание официанта кошельком и добавил, перегнувшись через столик. – Сегодня мы с тобой выясним, что настоятель Клод – а это тот еще субъект, поверь мне, причастен не только к краже автопилота, но и к происшествию с дирижаблем. Каким образом – пока не знаю, но догадываюсь, что автопилот он выкрал не для своих высоких целей, а чтобы качественно замести следы. Выковырять его из алтаря не сможет без последствий ни один инженер Близначев, но пока он там – узнаем все, что нам необходимо. И поставим галочку в списке невыполненных дел.

Рой усмехнулся, вертя в руках табличку с меню.

– Как, например, избавиться от меня и спокойно продолжить работу. Или уйти в отпуск – вроде такие у вас были планы.

– Именно.

Лиман не собирался посвящать Роя в детали, но они были очевидны. Неспешно попивая холодный чай, они дождались вечерних сумерек. Манжерия наполнилась оживленной толпой, в которой мелькали и гнутые фуражки матросов вошедшего в порт звена броненосцев, и красные девичьи кители, смысла которых Рой пока не понимал. Обычно надменно-задумчивые моряки Близначев, понемногу растворялись в вечерней столичной жизни, трясли кошельками, роняя островные купюры и рассаживались вокруг зарезервированных столиков, скользя взглядом, полным превосходства, поверх голов. Хозяин неодобрительно посматривал на полупустой столик Лимана и Роя, намекая, что на это место у него есть некие меркантильные планы. Лиман попросил еще чай и выглянул в окно. Сумерки не спешили сгущаться – их растворяли янтарные фонари набережной, в свете которых кружилась мелкая морось. Волны, казалось, стали еще выше – поднимаясь над гранитом берега, оно обрушивались на мостовую серой пеной.

– От господ офицеров, – хозяин поставил перед ними два запотевших стакана без пены, сквозь которые проглядывал липкий стол и растянутые силуэты посетителей. Лиман хмуро кивнул и, скользнул взглядом по выбритым затылкам моряков, намеренно не обращающих на него никакого внимания, и остановил руку Роя, намеревавшегося поднять стакан.

– Не трогай, – он качнул головой в ответ на вопросительный взгляд. – Тебе не понравится, а нам уже пора, – Лиман сунул под стакан крупную купюру и подозвал хозяина. – За чай, эль и пару жареных рыбьих голов господам офицерам.

Хозяин понимающе подмигнул обоими глазами.

Ветер унялся, только шум моря наполнял ночь тревожным ревом. Церковь Ангстрема казалась в промозглых сумерках выше и темнее, чем обычно. В узких окнах не горел свет, только в маленьком окошке наверху, там, где поблескивали три медные соединенные шестеренки – символ церкви и одновременно символ тупика, на который никто не обращал внимания. Столь странный механизм вообще не способен шевельнуться, не то, что исправно работать. Дверь оказалась закрытой, но незапертой. Охранная лента свободно болталась на ручке, даже без печати констебля.

– Кислый эль, известный как «рыбья моча». Его никогда не заказывают, но хозяева держат на такие вот случаи, – сказал Лиман, – напоминания о тех временах, когда мы охраняли рыбаков за пару монет в неделю и в основном жили за счет добрых владельцев бесплатных таверн. Такой подарочек от бывшего Первого министра, который не смог, как не пытался, подчинить констеблей его новенькой, напшигованной оружием и деньгами милиции. В то время получить по зубам от головорезов картелей было куда сложнее, чем от моряков, считавших себя вершиной эволюции. Но мы по-прежнему проверяли суда на предмет контрабанды, несмотря на скрип их клыков и прожигающие китель взгляды. За это пытались держать удар вечерами в тавернах и на улочках рыбацких кварталов и носили презрительную кличку «фишер». Влить в глотку «фишера» бутылочку «рыбьей мочи», пока у того заломлены руки дружками-морячками, считалось особым шиком. Славное время, книголюб. Тебе не понять. Чего ты на меня так смотришь? Я этого не помню, само собой – такое было лет сто назад, а то и больше, да и министр вместе с его милицией уже плещутся в иле мелководья, пугая костями рыб. Но есть такая штука – генетическая память, если хочешь. Пахнущая рыбой и кислым элементом страничка в славной истории Архипелага.

Рой молчал. Все верно, обсуждать чужие традиции – бесполезное сотрясение воздуха. Наверняка и в Жерле есть несколько чудаковатых обычаев, которые не хочется вспоминать.

Дверь плавно открылась, даже не скрипнув. Видимо тут внимательно следили за состоянием вообще всех механизмов. В полутьме ровными рядами чернели скамьи – словно ребра крупной рыбы, разделанной прямо здесь на кафельном полу. В окна сочился отраженный свет фонарей, в другие вползала темнота промозглой ночи. Витиеватые строчки на диалекте Блинецов ползли по широкому транспаранту, натянутому под потолком: «Время не властно над временем». Последнее слово скрывала тень от крестовины на узком окне. Мерное тиканье алтаря разрезало тишину на равные отрезки.

– Начинай искать, – сказал Лиман полупшепотом. – мы не сможем торчать тут всю ночь.

– Я ученый, я не инженер, – возмущенно шикнул Рой.

– Представь, что ты инженер. И берись за дело!

Странное ощущение витало в воздухе, усиливаясь в нескольких шагах от алтаря. Казалось, что сложный механизм смотрит на тебя внимательно и изучающе. Хотя никаких глаз и других органов чувств у него, разумеется, не было. Лиман поежился. В темноте алтарь казался выше. Его острая раздвоенная вершина виделась искривленной, нависающей над головой и готовой свернуться как плотоядный листок мухоловки над насекомым и поглотить тебя. Не более чем иллюзия светотени, конечно. Но ощущение опасности никуда не уходило. Рой скрылся за той маленькой дверкой сбоку, которая называлась вроде бы «норой часовщика» и служила для обслуживания механизма, что тоже было частью ритуала – одной из главных. Он пару раз показывался оттуда, вглядывался в сложный узор на бронзовом кожухе алтаря, одновременно служащий и схемой устройства, сверялся с ней и снова исчезал.

Тикание не становилось громче, но к нему явно примешивался посторонний звук, шаркающий, старающийся тоже быть мерным.

– Выйди на свет! – негромко сказал Лиман.

В светлое пятно на полу скользнула приземистая гибкая фигура.

– Гримм, черт тебя возьми!

– Бледный сказал, что тут будет интересно.

Лиман вздохнул.

– Пожертвования у входа в корзине. Но учти, денег там почти нет – в основном сломанные хронометры. Может заработаешь пару талеров.

В темноте послышалось фырканье. Лицо Гримма выплыло на свет и на нем читалось презрительное раздражение.

– Ты смердишь своим самомнением, фишер. Думаешь, что все про всех знаешь? Что вору Гримму не нужно ничего, кроме твоих жалких денег? Меня тошнит от тебя, фишер! Чтобы ты знал, есть вещи Гримму более интересные, чем твои бумажки.

– Удиви меня.

– Я не собираюсь с тобой разговаривать. И выгнать меня отсюда ты не можешь – это не твой округ! Разве что насплетничать дружку Керну, но тогда придется объясняться с ним, что ты сам тут забыл со своим ученым приятелем.

– И все же...

Гримм снова фыркнул и смерил Лимана косым взглядом. Один его глаз под рассеченной бровью всегда смотрел в сторону. Он ткнул кривым пальцем в сторону алтаря.

– Эта штука отвечает на вопросы, если ее правильно спросить. Только чертовы служители не дают этого делать никому. А у меня есть пара вопросов к железке, – он взглянул на алтарь с искрой в глазах и едва заметно улыбнулся.

– У меня к тебе тоже. Кто из глав картелей давал Клоду деньги? Это они держали его здесь, а потом пришили, верно? Даже не думай заикнуться, что ты ничего не знаешь. Иначе не показался бы здесь – я тебя знаю давно и твою крысиную натуру тоже.

Гримм мотнул головой, словно стряхивая с себя пронзительный взгляд Лимана.

– Никто ему денег не давал. Этот ублюдок сам был богат как чертов Морша. Если он и не выходил отсюда, то только потому, что спал на мешках со своими богатствами – вот что я думаю, – он на мгновение задумался. – Я все же проверю корзину.

Лиман хотел остановить его, но задержался и замолк на полуслове. Что-то изменилось очень неуловимо и тревожно. Клацанье шестеренок и рычажков под бронзовым кожухом стало, казалось громче и изменило ритм. Звук доносился не только от алтаря, от него вибрировали стены. Белая пыль побелки посыпалась с потолка и застыла в оранжевом свете фонарей. Клацнул замок в двери, задвигались ригели ища запорные планки, словно зажили своей жизнью. Лиман видел, что за приоткрытой дверью нет никого, даже тени. Некому проворачивать ключ в скважине, да и самого ключа не было.

Ригели застыли в срединном положении и на секунду все стихло, а потом к тишине добавились громкие щелчки. Дверь с грохотом захлопнулась, выбив пыль из тяжелых резных наличников. Дважды провернулся механизм замка.

Гримм застыл в шаге от корзины для пожертвований, в глубине которой болтались поломанные часы и монеты. Затем отпрыгнул в сторону за мгновение до того, как пол брызнул кафельными осколками.

– Чутье, фишер! – он ослабил и вскочил на ноги. Корзина валялась на полу, высыпавшиеся монеты блестели в пятне света от окна. А еще отраженным светом поблескивал прут, один конец которого глубоко вгрызлся в кафельный пол. Другой скрывался в недрах колонны, поддерживающей свод. Прут ударил под углом, достаточным чтобы пропороть бок того, кто направляется к двери и пригвоздить его к полу, словно бабочку булавкой.

– Не шевелись, идиот! – Лиман застыл, выставив перед собой руки, чтобы случайно ничего не коснуться. Гримм недоверчиво осматривался по сторонам, но не двигался. Теперь в полумраке были заметны прикрытые декоративной лепниной воронки, подобные той, из которой выскользнул заостренный шест. Их было немного: в стенах и колоннах, несколько прямо в полу. Каждая из них обещала много боли и мучительную смерть.

Ошибкой было считать алтарь единственной враждебной здесь вещью – все здание было единым сложным и смертоносным механизмом, умело запрятанным в стенах, колоннах, даже в полу. Возможно, Клод сделал это специально – что-то вроде цитадели, в которую будет не так просто попасть, если судьба снова отвернется от него, пригрозит судом или изгнанием. И выбраться отсюда будет также сложно, кроме того, кто создавал эти ловушки. Но почему-то в голову навязчиво лезла странная картина, как мелкие шестерни, шпильки и рычаги растут

сами как плесень, вгрызаются в штукатурку и стены, эволюционируют и разрастаются, проникая механическим мицелием в каждую щель здания, чтобы стать его частью. Воображение рисовало и Клода, возле горла которого маячил такой же вот заостренный штырь, намекая на то, что выхода отсюда нет, то, как его тонкие пальцы, разодранные в кровь, собирают механизмы в полостях внутри стен, проводят параллельные узлы на случай, если кто-то попытается заклинить шестерни. А над ним терпеливо нависает, наблюдая за каждым движением тупомордая голова автопилота, встроенного в механизм алтаря. В голове крутились воспоминания о старых заметках в «Вечернем Бризе» о Вычислительной машине мастера Артура, которой приписывали нечеловеческий разум, заключенный в колесики, штыри и пружины и которую прибрала к рукам армия Близнецов. Изучавшие ее инженеры явно приложили руку к созданию автопилота. Как знать, сколько в нем осталось от военной машины?

Если механизм скрыт в стенах, то ни один угол тут нельзя было считать безопасным. Даже знающий об устройстве храма Клод ухитрился получить увечье при открытой двери и днем. В темноте и пустоте здания и с наглухо закрытой дверью шансов выбраться оставалось куда меньше.

– Да к черту, фишер! – Гримм сорвался с места и бросился к алтарю. Его тень успела пересечь пятно света на полу, прежде чем послышался скрежет, а за ним сдавленный крик. Гримм упал на кафель и попытался обратно. Заостренные пики торчали из пола и будь его походка равномерной, он болтался бы на них, как незадачливый воришка на прутьях кованого забора.

Каким бы пронырой не был настоящий Клод, знание механики вложили в его голову хорошее. Видимо вовремя почувствовал, что это верный путь из бродяжничества и нищеты в высший свет, пусть и сомнительный путь. Конечно, собрать столь сложный механизм в одиночку он не мог и наверняка нанял помощников на черновые работы. А значит где-то был план, хотя бы приблизительный с указанием всех смертоносных узлов. И где ему быть, как не в келье. До которой три этажа вверх по узкой лестнице.

– Лиман, я не могу отключить эту штуку, – голос Роя казался преступно громким, хоть и понятно было, что тикающая железка не может отследить их местоположение по звукам. Только по давлению на поверхности.

– Как далеко лестница? – Лиман облизнул пересохшие губы. Казалось, что он стоит в одной позе без движения уже как минимум вечность.

– Десять кварталов. Примерно.

Каждый из которых наверняка нашпигован сюрпризами. Но это только два-три хороших прыжка. С плохо слушающейся ногой – все десять. Такой проблемы не было у Гримма: упершись подошвой в острие смертоносного шипа, он рассчитал прыжок, жестом показав Роя убираться к чертям с его дороги. Но у него не было и трости! Аккуратно нагнувшись, он поднял палку и перевернул ее тяжелым набалдашником вниз. Сложный механизм такой хитростью не провести, но все лучше, чем ничего. К тому же, Клод хороший инженер, но не гений.

Два удара по плитке выбили осколки и пыль, но не скрытую ловушку. Лиман аккуратно шагнул на разбитую плитку. Уперся на заостренный край трости и надавил набалдашником на соседнюю. Гримм усмехнулся и спрятался в тени свода. Винтовая лестница чернела прямо над его головой и до нее еще несколько шагов.

– Если что, не слишком рад был знакомству, – цыкнул Гримм.

– Замолкни! – Лиман прислушивался к мерному движению шестеренок в алтаре. Оно изменилось, чередовалось теперь с постукиваниями. Так бывает в арифмометрах при исчислении сложных уравнений. Машина думала.

По стеклам узких окон заморосил дождь, выбивая почти такой же ритм, как рычажки под бронзовым кожухом. Снаружи мигнул и погас фонарь – пятно света на полу растворилось и теперь только смутные тени едва выделялись в почти полной темноте.

Лиман шагнул. Почувствовал, что поверхность под ногой совсем слегка поддалась вниз и бросился в сторону, прежде чем услышал визг вырывающихся из укрытий шипов. Проклиная больную ногу, он рванулся в сторону лестницы, опираясь на трость. Налетел на Роя и сбил его с ног. Чертыхаясь Гримм впечатался в стену и едва успел что-то сказать. Тяжелая решетка опустилась с потолка, отсекая лестницу от церемониального зала. В темноте алтарь казался мертвым зверем, полным потревоженных ос. Он не мог шевелиться, но жужжал угрозой и в каждом щелчке таились расчеты как причинить увечье или смерть.

Рой протянул руку, но Лиман оперся на трость и поднялся с пыльных ступеней сам. Представил, как зажигается свет и из тени выплывает улыбающееся лицо Новака, сожалеющее лишь о том, что поблизости нет фотографа, чтобы запечатлеть его, Лимана, жалкий вид.

– Наверх!

Тусклый свет пробивался на высокие ступени, в темноте казавшиеся еще одной ловушкой. Гримм ловко карабкался вверх, держась руками за стены и перед Лиманом маячила его сутулая спина. Рой догонял их медленно, пару раз пожаловавшись на то, что почти ничего не видит. Лестница уперлась в приоткрытую дверь, из-за которой и сочился свет.

– Мне это не нравится, – сказал Гримм. Он все еще держался за стену и не рисковал шагнуть в проем. После увиденного любая комната будет еще долго казаться смертельной ловушкой. Но по крайней мере тут не было слышно клацанья и шороха шестеренок. И стены в глубоких трещинах казались самыми обыкновенными.

– Тогда иди обратно, – Лиман оттолкнул его и вошел в тесную келью без окон. От стены до стены вряд ли больше шести кварталов. И столько же в длину. Келья напоминала больше нишу в скале, чем комнату, только стены были плотно завешаны конкордийскими коврами, темно-зелеными, тяжелыми с длинным пыльным ворсом. На изумрудной глади сражались корабли, пенились волны, бледные щупальца выныривали из темных вод и скользили по мачтам. Спасая от сырости и холода, они навевали безнадежность, тревогу и тоску.

– У меня тоже поехали бы мозги от такого, – признался Гримм и присел на край узкой кровати, на которой скомканным узлом валялось одеяло. Тут при свете тусклой желтой лампы его лицо казалось сплетением глубоких морщин, образующих сложные орнаменты вокруг сломанного в далекие времена носа. Глубокие глаза лихорадочно бегали, взгляд бродил по узорам ковров. – Похоже, мы застряли здесь. Что скажешь, фишер?

Лиман подбросил трость, перехватил ее и уперся острым концом в шею Гримма, прижав того затылком к стене. Гримм захрипел и ухватился за деревяшку обеими руками.

– Полегче..., – он закашлялся. Трость вжималась в ямку под кадыком.

– Поговорим о прозвищах, Гримм? Или об уважении?

Гримм наконец оторвал трость о шеи и откинул в сторону, хрипло впустил в легкие воздух.

– Уважении, – он порылся в кармане и швырнул под ноги Лимана горсть мелких монет. – Сдача тебе за твое уважение. В расчете.

Лиман впился в лицо Гримма тяжелым взглядом, но тот не отводил глаз. Его здоровый глаз прожигал пыльный китель констебля ядовитой ненавистью, второй отрешенно смотрел в пол. За хриплым дыханием скрывалась готовность вцепиться в горло. Но внезапно он выпрямился и растянул губы в насмешке.

– Бледный сказал, что выполнил твою просьбу. Вопрос с девочкой решен. Думаю, она будет в восторге.

Лиман замер, опустил трость. Гримм затравленно вернулся в угол и снова расположился на краю кровати. Он сидел там и изучал как Лиман постукивает ладонью по медному набалдашнику, пока Рой не попросил его приподняться.

– Вентиляция, – туманно пояснил он. – Тут ее нет. А должна быть.

– Что ты такое несешь, умник? – буркнул Гримм, но поднялся. Сорванный Роем тяжелый ковер полетел на пол, подняв облако пыли. – Ищешь окно?

Окон тут быть не могло. Келья располагалась едва ли не в центре здания, затертая между толстыми кирпичными стенами. Но направляясь сюда каждый точно выдел сочащийся сверху свет из узкого янтарного окна. Лиман подцепил второй ковер и отодрал его от стены. Черные пятна плесени ползли по щербатым кирпичам от сырого угла. За третьим более тонким покрывалом скрывалась низкая дверь из толстых хорошо подогнанных досок. Ни замка, ни следов засова. Из-под двери тянуло сквозняком. Доносились тихие щелкающие звуки.

– Чертовы железяка! Она там!

– Закрой рот Гримм и помоги, – Лиман навалился на край кровати, намереваясь отодвинуть ее от угла – тогда дверь могла открыться широко и свободно, не препятствуя отступлению, в случае если за ней действительно затаилась механическая тварь.

За дверью обнаружился лишь узкий коридор, выходящий в довольно просторную комнату. По стеклам витражных окон скользили струи дождя. Капли выбивали дробь о черепицу, в приоткрытую ставню струился холодный воздух, струящийся сквозняком по дощатому полу. Но клацали не они. На зажатом между двумя стеллажами столе, на который смотрели корешки книг и тыльные концы перевязанных бечевками чертежей, стоял автопилот. Точнее, то, что от него сохранилось: панель ввода и несколько узлов. Остальное примыкало к стене собранными и подогнанными друг к другу блоками с полупрозрачными кожухами, под которыми бешено вращались шестеренки. Беззащитный механический мозг, управляющий алтарем там внизу и десятками смертельных ловушек. Похоже, что тут он был слеп и совершенно беспомощен. Гримм ухватился за трость Лимана и рванул ее на себя, освобождая увесистый набалдашник.

– Стой, идиот!

– Эта штука нас чуть не убила!

Механизм тихо тикал в ответ, поблескивая бронзовыми боками. К медному свету добавлялись изумрудные блики, но их источник скрывался где-то за краем стеллажа.

Рой убрал со стола кипы бумаг, открыл кожух. Механизм не отреагировал никак, продолжая ритмичную работу.

– Тут многое переделали. Но, по сути, это вычислительная машина Артура – военный прибор для расчетов вероятностей. Его адаптировали для работы на дирижабле – видимо старую списанную модель – урезав часть функций, вот только Клод вернул их обратно. Он хотел оживить алтарь, совершить прорыв и остаться самым влиятельным адептом церкви Ангстрема, навсегда обеспечив себе место в конклаве.

– И машина заперла его здесь, – сказал Лиман. Он задумчиво листал толстые тетради со стола, в которых кроме чертежей и схем нашлась куча колонок с вполне финансовыми расчетами.

– Нет, не думаю, – Рой водил пальцем по исписанным листам, на которых лежали валики с программами. – Это охранный протокол. Похоже, что он ждал незваных гостей, панически боялся кого-то и, собственно, от них возвел тут настоящую крепость. Он работал с кем-то очень опасным. Возможно, что протокол сработал случайно и покалечил Клода, но скорее всего на него напали прямо в церкви и машина пыталась защитить его, а Клод в панике попался в собственную ловушку.

– Не говори ерунду, – отмахнулся Лиман и бросил тетрадь поверх стопки таких же. – Просто его машина взбесилась. Это же военный аппарат.

– И причем весьма точный. Это механизм, и он не допускает ошибок. Он атаковал того, кто пытался напасть на Клода. Это сложная, но точная программа. Клод запустил ее сам, увидев кого-то или что-то на пороге храма, что ему не понравилось.

– Вроде нас, – хмыкнул Гримм. Он уставился на панель. – Можно?

– Вопрос? Да, валяй. Все равно мы отключим эту штуку, иначе нам просто не уйти отсюда.

Гримм аккуратно, словно вспоминая буквы, принялся жать на круглые клавиши с оттисками двух шрифтов: ланга и конкордийского. Машина замерла, а затем начала послушно перепаривать команду.

– Мне кое-что не нравится, – Рой ощупал край кожуха на одном из блоков. – Тут дополнительные гнезда. К ней пытались подключить что-то еще. А поскольку это блок ввода данных, предполагаю, что речь шла о каком-то другом мозге, более мощном. Что странно. Точнее и совершеннее машин Артура пока что механизмов не существует...

Гримм повертел хрустящей шеей. Введенный им вопрос неспешно обрабатывался.

– Как долго.

– Спрашиваешь, как не получить срок за возню на рыбьих складах? – усмехнулся Лиман. – Мог бы спросить меня.

– Ты мелочный и меркантильный, – процедил Гримм, впрочем, вполне миролюбиво. – Есть вещи и поважнее застенок или веревки на шее. Одноглазая Лия в порту сказала мне за сто талеров, раскинув ракушки, что я умру в море. Теперь я близко к берегу не подхожу, и идея сгнить тут на острове мне не кажется такой уж плохой. По крайней мере, выбрать нож или пулю – я сам себе хозяин, а не ведьма с ракушками. Вот только что беспокоит меня, фиш... Лиман – старуха ни разу еще не ошибалась. Как и эти вот клацающие штуки. Хочу уточнить, понимаешь?

Лиман подошел к окну. Квартал отсюда казался россыпью догорающих угольков под проливным дождем. Черной тенью далеко в ночи колыхалось море. Он усмехнулся про себя. Недалекий умом вор за его спиной верил в то, что где-то там в небе вращаются бесконечно огромные, но такие же точные шестерни, определяющие его жизнь наперед. А там нет ничего, кроме холода и смерти. И Планеты, скрывающей свой огромный яркий полумесяц за пеленой низких туч. Будь такой механизм в действительности, он бы лично взобрался на небо и вбил между его зубьями самый здоровенный и крепкий лом.

– Осторожнее этим, – сказал Лиман вслух. – Хозяин этой штуки видимо тоже что-то спросил, а потом печатал в листовках мольбы о помощи. Если только не Вычислитель просил вытащить его отсюда, – он усмехнулся глупой мысли.

Но Рой взглянул на него так, словно увидел воздушную медузу.

– Он печатал брошюры через блок вывода автопилота, – кивнул он. – Вот только тот не имеет к нему доступа без прямого запроса. Если Клод не сам просил о помощи по какой-то причине, то это делала штука, отключенная от аппарата, – он пощелкал пальцами и снова указал на край кожуха. – Пустые гнезда.

Не говоря ни слова, Гримм перелез через стол. Ему надоело ждать. Он уставился на обратную часть блока, а затем обернулся на изумрудный свет, лившийся откуда-то из-за угла. На мгновение он замер, а затем отшатнулся, словно от удара молнии.

– Черт! Вот же...

Он недоговорил. Он закричал и швырнул первое что попало под руку – кусок незавершенного блока со стола в нечто недоступное взгляду. Раздался звон разбитого стекла. На пол плеснулась прозрачная вязкая жидкость, а за ней другая – розовая. Лиман протиснулся за стеллаж и замер, не веря в то, что видит. Прежде чем закричал Рой и затем согнулся в спазмах накатившей тошноты, Лиман выхватил пистолет и начал стрелять.

Безучастный механизм не слышал выстрелов и суеты. Он выплюнул в самодельный лоток аккуратно напечатанную карточку: «Вас всех поглотит Тишина».

Возвращаться в полуночный офис стало неприятной привычкой. Тут не ждало ничего теплого и уютного – только запах дождя, влезший в неплотно прикрытое окно, и дешевого рома. В полумраке плясали тени от далеких фонарей. Отсюда не было слышно моря, только ветер, воющий в трубе.

Еще четверть часа назад он следил за тем, чтобы Рой сел в последний вагон метро, отправляющийся к отелю. Роя трясло. Он кутался в пиджак и вжимался в стену платформы, словно от этого могло стать теплее и спокойнее. Грязная побелка разводами оставалась на его пиджаке.

– Ты должен...

– Я позвоню констеблю Керну и все объясню, – Лиман опирался на трость. Странное ощущение, когда смертельно хочешь спать, но понимаешь, что будешь вертеться в липких от пота простынях до самого рассвета. – Скажу, что преследовали Гримма, а он скрылся в храме. Нет, имени упоминать не буду. Возможно, этот засранец спас наши жизни сегодня, – Лиман посмотрел вдоль пути на маячащий на фоне неба огонек состава. – Если уснешь в вагоне, на конечной есть бесплатная гостиница. Там могут ограбить, поэтому сразу упомяни, что хорошо знаешь меня.

Рой рассеянно кивнул.

– Завтра утром обсудим все, – добавил Лиман. – Если окажется, что Клод непричастен к происшествию с дирижаблем, наше дело затянется. А это не нужно ни тебе ни мне.

Рой поднял на него испуганный взгляд.

– Что мы видели сегодня? Что это было? Это был человек, животное? Что?

– Возможно, и то и другое. То, что сохранилось и каким-то образом продолжало жить. Я не могу сказать, я никогда не встречал ничего подобного. Но тот, кто сделал это с человеком – точно животное.

– Мозг нельзя соединить с механикой... Нельзя было. Это он просил о помощи, верно? Он, а не Клод. И мы не помогли.

– Помогли. Как смогли.

В голове еще стоял шум от громких выстрелов.

– Если однажды такое случится со мной – сделай тоже самое.

Лиман промолчал. Поезд увез Роя на восток и снова стало тихо.

Дурацкий день! Лиман повесил на крючок пальто, едва не зацепил больной ногой урну, неизвестно откуда выросшую посреди приемной. На полу белели бумаги. В основном квадратные бланки от легария с отметками о замечаниях. Среди них желтый конверт от констебля Ковальчика. Дерьмо. Зачем же так грубо? Хотя грубо – иногда наиболее эффективно.

«...к сожалению, до меня дошли сведения о вашей сомнительной репутации, в связи с чем я вынужден...»

Лиман обернулся. Арина спала на низком диване для посетителей, поджав ноги. Ее лицо казалось задумчивым, по-детски наивным, словно в разгар веселой игры кто-то принес грустную новость, которую ее ушки отказывались услышать. Слегка пухлые щеки и приоткрытые тонкие губы на свету, нахмуренные лоб и воспаленные под веками глаза скрывала тень от оконной перекладины.

Сладковатый запах рома висел в воздухе и непонятно было, что излучает его больше – натекшая из выроненной бутылки лужица у дивана или ее мерное дыхание. Лиман снял китель и прикрыл ее голые ноги.

– Вот же дерьмо...

3. Город Жерло

Смутное беспокойство. Оно всегда возникало у Лимана при виде дирижаблей. Их величественные силуэты, бесшумно плывущие в небе, не могли не вызывать трепета и восторга. И в тоже время Лиман надеялся, что не отправится на одном из них за границы города никогда. Сейчас, глядя с высоты как удаляется остров, окруженный пеной разбивающихся волн и серыми водами океана, он вдруг понял, насколько несправедливы и жестоки шутки судьбы.

Двигатели дирижабля рокотали за толстыми окнами гондолы. Легкая дрожь бежала по полу и стенам. Остров все удалялся. Уже почти неразличимы были высокие холмы, полосы доков, силуэты бросающих на город тень воздушных кораблей. Впереди линия горизонта и глубокое темное море, над которым повис огромный серп Планеты.

Двумя часами ранее он стоял на пронизывающем ветру под стыковочными мачтами и смотрел как покачивается привязанный тросами дирижабль. Констебль Керн вертел в руках тонкую папку. На его остроносом лице читалась тревожная задумчивость.

– Я должен поблагодарить тебя, Лиман. Наверное, если бы я сунулся в церковь, а не просто опечатал ее, увезя тело, меня уже не было бы в живых. Такие вещи иногда случаются с нами, это нужно принять, – он невесело усмехнулся. – Уличные воры, портовые контрабандисты, шайки вымогателей с рыбного рынка и вдруг бах! – спятивший механизм, готовый нанизать тебя на острые шипы. Наверное, то, что можно назвать «не каноничными делами».

«К сожалению, у меня таких все больше и больше», – подумал Лиман, забирая папку. Под тонкой обложкой копия отчета о вскрытии Клода и акта обыска. Довольно пространные заключения экспертов о той штуке в медном цилиндре, выкатившейся, разбрызгивая кровь, из зеленого аквариума, тут тоже были. В основном осторожные и противоречащие друг другу.

– Надеюсь, ни твой ни мой легарий не узнают об этом, – вполголоса добавил Керн.

Лиман покосился на Ольбера, прилипшего к перилам на площадке для ожидающих. Его легкую куртку трепал ветер, а стекла темных очков отражали свет поднимающегося над морем солнца. В полудюжине кварталов от него боролся с бризом и пытался запихнуть бумаги в пузатый портфель Рой, что-то бормоча под нос. Вряд ли он беседовал с легарием, скорее с клубком мыслей в своей голове.

– Думаю, он уже в курсе. Неважно. Вряд ли работа с ним будет еще хуже после такого, это физически невозможно. И спасибо, Лиман. Если удастся поставить жирную точку в этом деле с мертвым дирижаблем, я твой должник и возьму твой округ на сколько нужно, какой бы отпуск тебе не выписали.

Керн рассеянно кивнул.

– Слышал про Новака? Младший наследник клана Морша вляпался в очередную авантюру и исчез где-то в районе Гауса или даже Конкордии и теперь все его дела отложены на неопределенный срок, пока Новак не притащит Морша-старшему его сына за жабры обратно. Дома клана в его Новака округе, и никто в этом не виноват.

– Обязательно вышлю ему сочувственное письмо, – усмехнулся Лиман и снова взглянул на Ольбера. Тот не шевелился, будто был довольно крепкой, но не слишком удачной статуей ожидающему пассажиру.

– Зачем он летит с вами?

Лиман покрутил в кармане валик сигареты, взглянул на большие часы под платформой, стрелки которых словно прилипли к циферблату. Сигарета слегка похрустывала под пальцами.

– Даже не думай, – сказал Керн. – Я должен буду тебя арестовать.

– Однажды и у тебя, Кристальный Керн, найдется пагубная привычка, – вздохнул Лиман. – И тогда я приду к тебе в офис, буду долго измываться над тобой, а затем присоединюсь.

– Что вряд ли, – Керн заткнул большие пальцы за ремень. Под его рубашкой проглядывал туго завязанный на животе красный пояс Солнечной церкви.

Ольбер наконец шевельнулся. Достал фляжку из нагрудного кармана и подставил лицо солнцу.

– В «хорошей компании» работается легче, – заметил Лиман, запоздало отвечая на вопрос. – И чтобы путешествие было не слишком приятным – понятно же.

– И только?

– Разумеется, нет. Международные дела – не слишком частое явление, зато большой шанс для офисных крыс прославиться за пределами своей норы. На его стенке для благодарностей от префекта как раз осталось местечко. Я сказал бы, что нечем прикрыть пятно плесени в кабинете, но в офисе легария не водится плесень – преимущества непрерывной дезинфекции.

– Ты говоришь о нем с ненавистью, но почему-то я слышу сожаление и отголоски вины.

– Потому что так и есть.

Керн долго смотрел на фляжку легария, потом пожал плечами и отвернулся.

Лиман держался за перила несмотря на то, что корабль не качало. Он всматривался в океан, который то приближался, то удалялся, то покачивался из стороны в сторону.

– Вам плохо? – спросил Рой. Под очками его глаза казались большими и встревоженными.

– Все отлично.

Высоту Лиман все еще не любил, как не пытался приучить себя к ней прогулками по заброшенным веткам рельсового метро.

– Далеко до Жерла?

– Примерно восемь часов.

Он оглянулся. Пассажиры стояли у окон, как и он, изредка перекидываясь короткими фразами, сидели, погрузившись в чтение. Кто-то спал, уткнувшись лбом в спинку кресла впереди. На мгновение Лиману показалось, что ровный белый свет, льющийся из окон, сменился янтарным. Пассажиры в неестественных позах распластались в креслах с широко открытыми мертвыми глазами. Лиман пробежал глазами по томикам и брошюрам в руках пассажиров. Ни одного старого издания, кроме книжки в руках пожилой дамы у окна. Он долго вглядывался в переплет, пока дама не начала настороженно поглядывать в его сторону.

– Кажется, мне, и правда, нехорошо.

Умные книги и люди в халатах называли это, кажется, фобиями. Оно и понятно. Наполненные газом гигантские дирижабли бороздили небо уже полторы сотни лет, сменив воздушные шары, и все это время были безопасны. Мысль о том, что ты можешь в одно мгновение превратиться в пассажира-мертвеца была пугающей и почти невыносимой. Восемь часов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.